Е. В. СКАЗИН

ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

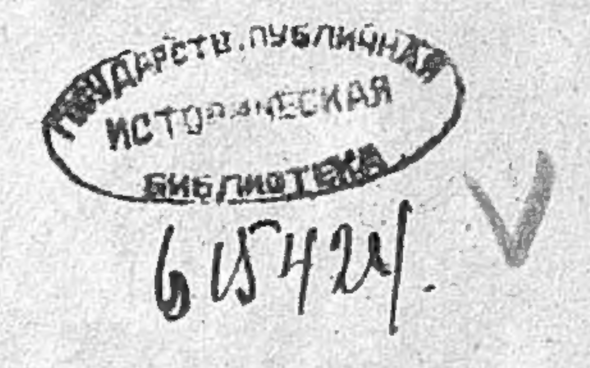
Экз. полный
19. 8. 1985
Егоров

Е. В. СКАЗИН

ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 43.996. Тираж 7.000 экз.

Тип. изд-ва МГСПС „Труд и Книга“, Б. Якиманка, д. 32.

ГЛАВА I

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА ДЕКАБРИСТОВ

14 декабря 1825 года в Петербурге несколько гвардейских полков выступило с оружием в руках против самодержавия. Восстание 14 декабря возникло не стихийно—оно было подготовлено и осуществлено небольшой революционной организацией, известной под названием Северного Общества. Северное Общество, центром которого являлся Петербург, и Южное Общество (в Киевской и Подольской губерниях) были организационным оформлением декабрьского движения.

Россия сто лет тому назад являлась еще более земледельческой страной, чем теперь. Сельское хозяйство было основным фундаментом всей экономической жизни страны. Вывоз хлеба и др. сельско-хозяйственных продуктов, чрезвычайно увеличивавшийся к 20 годам XIX века, занимал командное положение в экономике. Но так как вся хлебная торговля была в руках землевладельца-дворянина, то он и был хозяином положения. Фактический же производитель хлеба, крепостной крестьянин, был только необходимой частью производственного механизма. На эксплоатации порабощенного крестьянина остановился торговый капитализм в России. Мы знаем, что торговый капитал нуждается в применении внеэкономического принуждения. В русских условиях крепостное право и тесно связанная с ним самодержавная власть и были формой, в которой осуществлялось это принуждение. Казалось, все было прочно—торговый капитализм, опиравшийся на самодержавие

и крепостное право, процветал, государственный аппарат, построенный применительно к нуждам торгового капитала, если и не совсем хорошо работал, то все-таки отвечал своему назначению. Но это, повидимому, неизменное, могущество торгового капитала было только кажущимся. На исторической арене выступил сильный своей прогрессивностью враг, неуклонно подтачивающий его господство. И в силу непреложного исторического закона, чем больше укреплялся торговый капитал, тем выше подымал голову его враг. **Этим врагом был промышленный капитал.**

В начале XIX века промышленность только начинала развиваться, но это развитие шло вперед усиленным темпом. Если в самом конце XVIII века в России было всего около 2.000 фабричных предприятий, то к средине двадцатых годов XIX века число их значительно превышало 5.000. Правда, быстрый рост промышленности не мог еще внести крупное изменение в общий хозяйственный уклад страны, но он давал знать о себе и с этим приходилось считаться. Торгово-капиталистические отношения, характеризующие экономическую структуру России, не уступали места промышленному капитализму. Борьба этих двух форм капитализма в дальнейшем становилась все более и более ожесточенной, в первую же четверть XIX века, она еще только возникала, еще только чувствовалось в воздухе. Огромное политическое значение появления нового фактора в русской экономике становится ясным, если принять во внимание непреодолимые противоречия, исходящие из самой сущности промышленного капитализма. Промышленный капитал, в противоположность торговому не нуждался во внеэкономическом принуждении. Как удачно выразился авторитетный историк М. Н. Покровский, промышленный капитал действует на закабаленных людей не через спину, как действует торговый капитал, а через желудок. Не только крепостное право, но и самодержавие промышленному капиталу не были нужны. Мало того, вся система торгово-капиталистического государства коренным образом мешала нормальному развитию промышленного капитализма. Таким образом, создавалась почва для буржуазного революционного движения, основным лозунгом которого было ликвидация крепостного права и самодержавия и установление

буржуазно-демократического строя. В начале XIX века экономические условия еще не назрели настолько, чтобы вопрос этот мог быть осознан и поставлен во всей своей широте. Экономика страны не выдвигала его, как экономически насущную и подлежащую немедленному удовлетворению потребность. Как мы знаем, для этого нужны были еще долгие десятилетия.

В Западной Европе положение было совершенно иное. Развитие промышленно-капиталистических отношений смело со своего пути отжившую государственную систему. В конце XVIII в. разразилась великая французская революция, оказавшая глубокое влияние на социально-политическую жизнь целого ряда других стран. В первую четверть XIX века новый порядок вещей прочно вкоренился в Западной Европе. Реакция, поднявшая голову после наполеоновских войн, не могла повернуть колесо истории назад. Западная Европа быстрыми шагами шла вперед, оставив далеко позади отсталую Россию.

Но если Россия, только что вступившая на путь промышленного капитализма и отстала значительно от Западной Европы, то все же почва для буржуазного революционного движения была уже налицо. На этой почве, в условиях борьбы промышленного капитала с торговым, в России зародилось движение декабристов. Основные задачи декабрьского движения подсказывала экономика России, но пути и средства революционной борьбы указывала Западная Европа. Западная Европа давала наглядный пример революционного действия и этому примеру стремилась следовать лучшая часть дворянской интеллигентной молодежи, насколько позволяли ей ее силы. Пребывание за границей, изучение политической литературы, близкое знакомство с государственной жизнью западно-европейских стран оказали огромное влияние на чуткую молодежь. Дворянскую молодежь захватил революционный шквал, пронесшийся над Западной Европой, и в этом отношении декабрьское движение является одним из отголосков великой французской революции.

Декабристы ориентировались на Западную Европу. Задача декабрьского движения—путем политического переворота дать мощный толчок экономическому развитию Рос-

сии, достигнув уровня Западной Европы. Русская действительность подсказывала эту задачу, но еще не ставила ее в программу дня. В силу железного закона истории, декабрьское движение, опередившее свое время, не могло стать подлинной массовой революцией. В этом заключается его слабость и этим об'ясняется неудача восстания 1825 года.

Первые тайные общества возникли из небольших офицерских кружков. В начале XIX века и особенно в эпоху войны 1812 года дворянская молодежь охотно шла на военную службу. К двадцатым годам XIX века почти все образованные, интеллигентные молодые дворяне были гвардейскими или армейскими офицерами. Из этой дворянской офицерской среды и вышли декабристы.

В 1816 году несколько офицеров основало Союз Спасения или Истинных и Верных Сынов Отечества. Основной целью союза было введение конституционной монархии. В число членов его входили А. Н. Муравьев, Якушкин, Сергей и Матвей Муравьевы—Апостолы, Фон-Визин, Никита Муравьев, кн. Трубецкой, Пестель, кн. Илья Долгоруков, Лунин и др. Вскоре после основания союза руководящее место в нем занял Пестель—наиболее твердый и последовательный революционер, не сошедший с избранного им пути до самой своей смерти. Союз Спасения был сравнительно небольшим кружком (всего около 20 человек). Под влиянием Пестеля и некоторых близких ему по духу членов кружка, Союз Спасения принял строго конспиративную, заговорщическую форму. Союз Спасения просуществовал недолго. Большая часть членов его была склонна к умеренной программе мирного «действия на умы» и категорически отвергала появившиеся в союзе террористические и активно-революционные тенденции. В 1817 году Союз Спасения был преобразован в Союз Благоденствия. Заговорщический «карборнарский» устав был заменен другим, в основу которого был положен устав прусского умеренно-либерального Союза Добродетели, образовавшегося с разрешения короля.

В Союзе Благоденствия борьба правой и левой группировок не только не прекратилась, но и усилилась, принимая все более и более резкую форму. Во главе оппозиции стал Пестель, организовавший в м. Тульчине (Подольской г.)

при штабе армии южное отделение Союза. Пестель всеми силами стремился к революционизации союза. На первый план выдвигается вопрос о цареубийстве и введении республиканского строя. Число сторонников Пестеля неизменно увеличивалось. В то же время, наиболее умеренные члены союза выходили из него, при чем многие из них открыто переходили в правительственный лагерь. Этот процесс завершился московским с'ездом представителей управ (отделений) Союза Благоденствия в 1821 году, на котором было вынесено формальное постановление ликвидировать организацию. Роспуск Союза Благоденствия вполне соответствовал желанию правой группы организации и вместе с тем позволял революционному меньшинству, освободившемуся от лишнего балласта, перестроить ее на новых началах.

Работа по организации нового революционного общества началась тотчас же по закрытии Союза Благоденствия. Вначале эта работа шла медленно и неуверенно. Приходилось преодолевать ряд затруднений, а главное необходимо было привлечь свежие силы. Тесный кружок Пестеля и здесь оказался впереди. В 1822 году организованный Пестелем новый революционный союз, Южное Общество, стал уже на твердую почву. В следующем году Южное Общество еще более укрепилось и расширилось. Было создано три управы—Тульчинская, во главе с Пестелем и Юшневским, Каменская (Давыдов и кн. Волконский) и Васильковская, возглавляемая Сергеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Центром Южного Общества оставалась Тульчинская управа. Все остальные управы подчинялись Тульчинской, при чем члены ее считались директорами всего общества [1]). Южное Общество с каждым годом увеличивалось и крепло. Деятельная пропаганда среди офицеров дала много новых членов. Неизменно расширявшаяся сфера влияния общества постепенно охватывала целый ряд полков, расположенных в южных губерниях России. Особенно большое значение для Южного Общества имело присоединение к нему Общества Соединенных Славян, состояв-

---

[1]) В конце 1825 года к ним был присоединен в качестве третьего директора С. Муравьев-Апостол.

шего из мелких армейских офицеров, мечтавших о соединении всех славянских народов в одну федеративную демократическую республику. Общество Соединенных Славян возникло совершенно независимо от Союза Благоденствия и Южного Общества. В сентябре 1825 года, когда произошло слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом, оно насчитывало в своем составе несколько десятков членов, глубоко преданных делу революции. Южное Общество, кроме того, завязало постоянные сношения с польским тайным революционным обществом, условившись с ним о согласовании действий в предстоящем выступлении (южане предполагали поднять восстание весной 1826 года). Южное Общество всячески стремилось и к достижению прочного соглашения с петербургским Северным Обществом. Вопрос о необходимости об'единения обоих обществ в единую централизованную организацию, был поставлен южанами во всей своей остроте, но вследствие серьезных программных и тактических расхождений это об'единение откладывалось и к моменту восстания еще не было осуществлено.

Северное Общество было организовано членами закрытого Союза Благоденствия несколько позже Южного. Пример более деятельных и энергичных южан имел большое значение для небольшого кружка активных членов распущенного союза. Организационная работа северян шла весьма медленно и лишь в конце 1823 года положение общества несколько упрочилось. Все время, однако, Северное Общество и в отношении численности своей [1]) и в отношении подготовленности к активной революционной деятельности, значительно отставало от Южного. Южное Общество как бы тащило за собою на буксире северян. Приобретение такой крупной силы, каковую представлял собою Рылеев, мало изменило эту картину. Неудивительно поэтому, что бурные события конца 1825 года застали Северное Общество совершенно неподготовленным к выступлению. Если восстание 14 декабря все-таки состоялось, то этому мы обязаны исключительно благоприятной обстановке, которую создало тревожное время междуцарствия.

[1]) Необходимо указать, что количество членов и Северного, и Южного Обществ исчислялось десятками.

Приступая к рассмотрению идеологии декабрьского движения, мы прежде всего должны заметить, что единой общепризнанной программы декабристы не имели. Всех членов Северного и Южного Обществ об'единяло лишь стремление ликвидировать самодержавие и заменить его демократическим строем. В детализации же этого основного стремления расходились не только оба общества в целом, но и отдельные члены обоих организаций. Официальной программой Северного Общества был проект конституции Никиты Муравьева, составленный по принципам западно-европейских и северо-американской конституций. С конституцией Никиты Муравьева, однако, многие северяне не соглашались, оспаривая, главным образом, три пункта его проекта. Никита Муравьев предлагал сохранить внешнюю монархическую форму правления, при чем уделял «императору» меньше власти, чем имел обыкновенный президент республики. Ряд товарищей Муравьева считал это лишним и настаивал на замене монархии республикой. Серьезные споры возникали и в связи с проектируемым Муравьевым порядком освобождения крестьян. Муравьев считал достаточным оставить крестьянам по две десятины на двор, другие же члены общества полагали необходимым не только увеличить этот нищенский надел, но и передать крестьянам всю землю, путем выкупа ее государством. Не меньшие разногласия вызывал вопрос об избирательных правах населения в будущем государственном устройстве—цензовые ограничения конституции Муравьева признавались многими неправильными. Все эти вопросы оставались открытыми. Нужно сказать, что северяне и не заботились особенно об окончательном выяснении всех деталей конституции. Роль революционной организации, по мысли их, заключалась в совершении государственного переворота и немедленном созыве учредительного собрания. Представители всех слоев населения должны сами установить форму нового государственного строя. Насиловать же «волю народа» и подменивать ее готовой конституцией северяне не считали себя в праве.

Совершенно иначе обстояло в Южном Обществе. Здесь господствовали взгляды Пестеля. Его проект конституции—«Русская Правда» пользовался среди южан большой попу-

лярностью. Основной идеей «Русской Правды» было полное равенство всех граждан. Единственной приемлемой формой правления признавалась республика. В противоположность Никите Муравьеву, придерживавшемуся федеративного принципа, Пестель был последовательным централистом. Признавая затем землю собственностью «всего рода человеческого», Пестель закреплял за каждым гражданином республики вполне достаточный для него надел. Идею учредительного собрания Пестель категорически отвергал. Новый государственный строй должен быть введен при помощи длительной революционной диктатуры, обеспечивающей страну от реакции и междоусобицы.

Как мы видим, в среде первых русских революционеров, появились уже два основных течения, характеризующие революционное движение в России до самого последнего времени. Сто лет тому назад эти два течения раскололи декабрьское движение, что, конечно, не могло не отразиться на всем его развитии.

Программные и тактические расхождения Северного и Южного Обществ были очень велики, но об'единявшее их общее стремление ликвидировать самодержавие, благодаря исключительно военному составу организации и распространенному в то время революционно-тактическому учению, подсказывало им одинаковую тактику начального периода революции. И южане и северяне были сторонниками военной революции. Одна армия, без всякого участия «народа», должна совершить государственный переворот. Организованность, планомерность и наибольшую безболезненность переворота можно достигнуть только строго военным характером восстания. Массовая же революция ведет к излишнему «пролитию крови» и анархии, и потому не может увенчаться быстрым и окончательным успехом. Декабристы были противниками участия народа в революции и в этом отношении стояли на уровне своего времени. В двадцатых годах XIX века принцип военно-заговорщической революции был широко распространен. Революционное движение начала двадцатых годов в Южной Европе (в Испании, Италии, Португалии и др. странах), протекало под знаком военного восстания. Декабристы внимательно следили за событиями в Южной Европе. При этом

особенно большое влияние на декабристов оказала испанская революция. «Наша революция, говорил Бестужев-Рюмин, будет подобной революции испанской; она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа». Декабрист А. П. Беляев, побывавший с несколькими своими товарищами (морскими офицерами) в 1824 году в Гибралтаре, где временно укрывались разгромленные испанские революционеры, и присутствовавший на обеде у английских офицеров, на котором с одушевлением слушал марш Риего и поднимал бокал в память «бессмертного героя», говорит: «Революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда (испанского короля), приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие, безотчетно следовавшие за потоком».

Декабристы стремились к военному перевороту. Все свои надежды они возлагали на армию. Поэтому, прежде чем перейти к непосредственной теме нашего очерка, восстанию 14 декабря, нам необходимо, хотя бы в общих чертах, познакомиться с тем, что представляла собою русская армия в то время.

ГЛАВА II

ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ АРМИИ

Ни в одной области государственной жизни России не выявлялась классовая сущность дворянско-крепостнического строя так явно и полно, как в организации армии в первую половину XIX века. Основным контингентом армии были крепостные крестьяне, но благодаря тому, что все управление ею, весь командный состав представлялись дворянством, армия являлась сильным орудием в руках господствующего класса. Выполняя задания правящей верхушки во внешней политике, армия предназначалась и для борьбы за охрану существующего социально-политического порядка. Пригодность армии для этих целей достигалась жестким и полномерным проведением в жизнь соответствующих организационных принципов.

Общая численность русской армии к началу 20-х годов XIX века выражалась в приблизительной цифре около 700.000 чел. К этому времени, после различных реформ, начавшихся еще с 1802 г., установилась общая организация армии, в основном сохранившаяся в течение нескольких последующих десятилетий. Вооруженные силы России состояли из следующих частей: первая армия, расположенная в западных и центральных губерниях, с главной квартирой в Могилеве на Днепре; вторая армия, расположенная в южных губерниях, с главной квартирой в местечке Тульчине, Подольской губ.; гвардейский корпус в Петербурге и окрестностях его; отдельный Кавказский корпус; отдельный Литовский корпус; отдельный корпус военных поселений и ряд других отдельных частей. Кроме всего этого,

были иррегулярные войска, внутренняя стража, команды инвалидов и т. д.

Солдатские кадры армии комплектовались путем так называемых рекрутских наборов, ложившихся всею своею тяжестью на крестьян. В царствование Александра I, вследствие беспрерывных войн с 1805 по 1815 г. и постоянного усиления армии, крестьянству пришлось дать около двух миллионов рекрутов. Срок службы солдата равнялся 25 годам. Производство в офицеры рядовых солдат—не-дворян было сопряжено с громадными трудностями и практически было исключительным явлением. Правящий класс твердо стоял на страже своих интересов. Понимая всю опасность привлечения в командный состав крестьянства, правительство закрывало доступ к офицерским чинам всем, не принадлежащим к дворянскому сословию.

Военная служба дворянства обставлялась всяческими привилегиями и преимуществами. Так как всеобщей воинской повинности не было, и служба для дворян была вполне добровольной, правительству необходимо было создать особые материальные и моральные условия для привлечения дворянской молодежи. Основным преимуществом, имеющим кардинальное политическое значение для правительства и всего дворянства, была монополия командного положения в армии. В этом преимуществе отражалась классовая основа общества, наложившая определенный отпечаток на всю структуру армии.

Военное образование было в силу этих обстоятельств исключительным достоянием дворянства. Правительство, всеми силами стремившееся к поднятию качественного уровня армии, создало сеть военно-учебных заведений различного типа. Однако, принятые принципы обучения, сводившие его ко внешней подготовке офицеров, шагистике и парадомании, при резко-бюрократическом отношении к делу, приводили к тому, что окончившие курс военных школ офицеры фактически никакого реального военного образования не получали. Обстоятельство это играло крупную роль в мирной обстановке, особенно же тяжело выявлялось оно в военное время при соприкосновении с иностранными армиями.

Солдатская служба была крайне тяжела. В атмосфере полного бесправия, жестокого обращения, 25-летнее пре-

бывание в солдатах было настоящей каторгой. В письме декабриста Якубовича к Николаю I (из крепости в 1826 году) положение солдат описывается так: «Солдат армии, блюститель внутреннего спокойства государства и охрана внешней целости, обречен на 25 лет службы; оставляя отчий дом, а часто жену, детей, уходит безнадежен когда-либо насладиться мирной жизнью под родным кровом, в кругу близких:—уныние, тоска в сердце! Не уважая себя, не любя своего звания, действует из одного побуждения страха, развращается, не боится штрафа, не полагая когда-либо воспользоваться отставкой, и если тысячный и достигает назначенного срока, то он не дослуживает, а доживает узаконенное время». Член тайного общества В. Ф. Раевский в найденной у него при аресте записке говорит: «Офицер или дворянин имеет право, если он недоволен, оставить службу, офицер имеет в виду награды чести (т.-е. чины и ордена) и награды денежные, для которых в нашем монархическом правлении все дворянство служит, но солдат имеет в виду бедность, труды и смерть. Редко, очень редко без одного проступка прослужить можно 25 лет, а сделавши один проступок (часто незначительный), он обрекается законом на вечную службу!» Особенно усугублялось тяжелое положение солдат частыми жестокими наказаниями по самому ничтожному поводу, и даже без всякого повода, ради «развлечения» любителей-офицеров. Беспрерывная муштровка, длительные фронтовые учения, заключавшиеся в вытягивании носков и маршировке—непременно с точным измерением размера шага и числа шагов в минуту, нелепые построения, пригодные лишь для парадов, равнение «так, чтобы дыхание не было заметно», при обременительной и неудобной обмундировке, были сплошным мучением для солдата. Продовольственное снабжение солдата было крайне неудовлетворительным. Как свидетельствует один военный историк, благодаря скверному качеству продовольствия и недостаточности его, солдатам приходилось открыто просить милостыню на улицах города.

Все это вызывало естественную ненависть солдат к офицерам, редко, впрочем, выливавшуюся из-за отсутствия организованности, при давящем, налаженном государственном

аппарате в формы массового протеста. Нигде не находя себе защиты, не смея жаловаться на инспекторских смотрах, солдаты предпринимали побеги, одиночками и целыми группами в 30—40 чел. Офицеры-декабристы, непосредственно знакомые со всеми отрицательными чертами солдатского быта, являлись одиночками в общей массе реакционного или беспринципного офицерства. Оказать серьезное влияние на изменение создавшихся условий, ни в силу их удельного веса, ни в силу необходимой конспирации они не могли. Но некоторую деятельность в этом направлении они все же проявляли. М. А. Фон-Визин, командовавший 37, а затем 38 егерскими полками, совершенно запретил в своих полках применение телесных наказаний. То же сделал и генерал М. Ф. Орлов, известный организатор солдатских школ грамоты. Возможные улучшения в жизни солдат вносили и другие декабристы, особенно члены общества Соединенных Славян и офицеры Черниговского полка.

Ознакомившись с общим состоянием и бытом армии, нам необходимо несколько подробнее остановиться на положении гвардии, часть которой 14 декабря 1825 г. выступила с оружием в руках против Николая I и представляемого им самодержавия.

Гвардия, начавшаяся формироваться еще со времени Петра I, в царствование Александра I, была пополнена несколькими новыми полками (Московский, Финляндский и др.). В этом увеличенном составе гвардия составила отдельный гвардейский корпус [1]). Гвардейские части во многом отличались от армейских. Служба в гвардии считалась особенно почетной. Офицеры набирались главным образом из крупно-земледельческого и чиновного дворянства. Прохождение службы гвардейских офицеров было обусловлено различными преимуществами и льготами. Рядовой дворянин, особенно незнатный и нетитулованный, попадал в гвардию лишь в исключительных случаях (особые заслуги, сильная протекция и т. д.). Естественно, общий куль-

---

[1]) В него не входили лейб-гвардии Литовский, Волынский, Подольский, Кирасирский и Уланский полки, включенные в отдельный Литовский корпус.

турный уровень гвардейского офицера был несравненно выше армейского. Если в армии нередки были случаи, когда офицер с трудом мог подписывать свою фамилию, то в гвардии часто можно было встретить офицеров, окончивших университет в России и даже за границей.

Солдатские кадры гвардии также отличались от армейских. При комплектовании гвардейских полков нижними чинами, на ряду с внешними физическими качествами (например, высокий рост) обращалось внимание и на грамотность, смышленность рекрута. Жизнь в столице, учреждение школ грамоты в гвардейских полках, большая доступность книг и газет способствовали повышению общего уровня развития гвардейского солдата. Необходимо еще добавить, что гвардейские солдаты и материально были обставлены значительно лучше армейских.

Огромное влияние не только на повышение общего культурного уровня солдата, но и на развитие политического самосознания его, оказало пребывание за границей в течение войны 1813—1815 гг. Солдаты видели западно-европейскую жизнь, столь отличную от русской, привыкли к новым условиям и не могли не пропитаться революционным «французским ядом». Как свидетельствуют современники, солдаты не были уже такими же «бессмысленными орудиями» как прежде. Писатель, далеко не либерального направления, Н. И. Греч, по должности директора солдатских школ грамоты, хорошо знавший гвардейских солдат, в своих записках сообщает: «Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа; они чувствовали и видели свое превосходство перед иностранными войсками, видели, что те войска, при меньшем образовании (т.-е. при меньшей военной подготовке), пользуются большими льготами, большим уважением, имеют голос в обществе. Это не могло не возбудить вначале просто их соревнования и желания стать наравне с побежденными. Я был свидетелем обеда, данного в 1816 году гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам одним обществом. Люди эти вели себя честно, благородно, с чувством собственного достоинства. Некоторые вклеивали в свою речь французские фразы. Сохранилось известие о разговоре писателя В. Н. Каразина с министром внутренних дел Кочубеем (27 октября

1820 года, т.-е. после волнений в Семеновском полку [1]. Каразин указывал: «Солдаты, возвратившиеся из-за границы, а наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем или на местах, где они квартируют... Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалованья, что наказывают их строго и проч.» Кочубей спросил своего собеседника, могут ли найтись между солдатами такие, которые сумели бы выполнить роль начальников при каком-либо возмущении. Каразин ответил: «Кто знает! между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте. Много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных. Есть... и из дворовых весьма острые и сведущие люди; есть управители, стряпчие и прочие из господских людей (крепостных), которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они так, как и все, читают журналы и газеты. Справьтесь, сколько ныне расходится экземпляров «Инвалида» («Русский Инвалид», военная газета) и других журналов в сравнении прошедшего времени. Притом печатают в журналах иногда разные вещи весьма неосмотрительно».

Все эти данные об'ясняют более деятельную защиту своих интересов, большую возбудимость солдат ко всякого рода протестам и волнениям и большую подготовленность к чисто политическим выступлениям. Солдаты-гвардейцы Павловского полка в апреле 1820 года сумели добиться более внимательного отношения к своим деньгам, которые по распространенной привычке присваивал один из офицеров этого полка. В Преображенском полку солдаты протестовали даже против оскорбления одного из них ротным командиром.

Особенно значительно было волнение в Семеновском полку в октябре 1820 г.

Семеновский полк был на ряду с Преображенским, старейшим полком гвардии. Шефом его был сам император Александр I. В числе офицеров Семеновского полка были

[1]) О волнениях в Семеновском полку будет рассказано ниже.

декабристы М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, князь Ф. П. Шаховской и др., создавшие совершенно исключительную обстановку в полку. Телесные наказания были выведены из употребления, отношения офицеров к нижним чинам резко отличались от обычного зверского обращения с подчиненными.

Великий князь Михаил Павлович, бригадный командир семеновцев, весь смысл жизни видевший в слепом повиновении воле царя и фронтовой службе, с детства не любивший «ничего ни письменного, ни печатного», при поддержке реакционных генералов, давно косившихся на «необыкновенный» полк, добился смещения полкового командира Потемкина и назначения другого—типичного бездушного аракчеевца полковника Ф. И. Шварца. Новый командир, при поддержке великого князя, принялся «выбивать дурь» из семеновцев. Делал он это весьма просто: ввел жестокие телесные наказания и стал изнурять солдат длительнейшими фронтовыми учениями, шагистикой и особыми смотрами. Обращение Шварца с солдатами было даже для того времени невероятным: не довольствуясь обыкновенными телесными наказаниями, он бил солдат своеручно, вырывал усы, ставил одну шеренгу против другой и заставлял солдат плевать друг другу в лицо, приказывал неподвижно стоять по целым часам и т. д. Помимо всего этого Шварц сделал совершенно невозможной процветавшую в полку ремесленную деятельность солдат, благодаря тому, что солдаты целый день были заняты учениями и подготовкой к ним. Из ротных денег, собранных из заработков солдат и являвшихся общей собственностью их, стали тратить большие суммы на улучшение обмундирования, пополнить же ротные кассы не представлялось возможным из-за полного почти прекращения «вольного» труда. Недовольство солдат неминуемо должно было вылиться в стихийное возмущение.

16 октября 1820 года, во время ротного учения, солдаты 2-й роты, окончив упражнения, стояли вольно. Внезапно появился полковник Шварц. Увидев его, ротный командир скомандовал «смирно». Один из рядовых стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Шварц тотчас же подбежал к нему, схватил его за руку и, проведя по фронту,

приказал солдатам на него плевать. Этот инцидент явился искрой, упавшей на вполне подготовленную почву. Первая рота 1-го батальона (рота его величества), придя с учения решила заявить жалобу, при чем поводом для жалобы обычный десяточный смотр (каждое воскресенье десять человек от каждой роты должны были являться на дом к Шварцу, где он пытал их особенной придирчивостью и жестоким обращением). Вызванный солдатами ротный командир обещал довести об этом до сведения Шварца. 17 октября волнение разрослось, были вызваны в. кн. Михаил Павлович и генералы Васильчиков и Бенкендорф. Никакие уговоры и угрозы не действовали, солдаты категорически настаивали на полном изменении полкового режима. По распоряжению Васильчикова первая рота была в полном составе арестована и заключена в Петропавловскую крепость. В ночь на 18 октября волнение распространилось в остальных ротах полка. Солдаты выбежали на полковой двор, выбили стекла в квартире скрывшегося от солдат полкового командира и, в чрезвычайно возбужденном состоянии, стали обсуждать план дальнейших действий. Немедленно к казармам были стянуты несколько полков и артиллерия. Дело грозило принять серьезный оборот. Однако, отсутствие организованности и общего политического руководства, при исключительно-профессиональном характере требований солдат, привело к тому, что весь полк, не только без вооруженного столкновения, но даже без особых затруднений, был арестован и препровожден в крепость. В результате произведенного следствия, ряд солдат «зачинщиков» был строго наказан, часть офицеров была предана суду по обвинению в попустительстве и выражении сочувствия солдатам, а все остальные офицеры и солдаты были переведены в армию.

Волнения в Семеновском полку вызвали сочувственный отклик во всех полках гвардии. Солдаты толковали об освобождении арестованных семеновцев. Один унтер-офицер л.-гв. Егерского полка был заключен в крепость за разговор с преображенским солдатом о том, что «если не возвратят арестованных батальонов, то они докажут, что революция в Испании ничего не значит в сравнении с тем, что они сделают». Он утверждал, что «вся гвардия взбун-

туется и сделает революцию... Взбунтуется вся гвардия— не Гишпании чета, все подымет». Генерал Бенкендорф имел несомненное основание заявлять, что «если бы настоящая катастрофа потребовала вмешательство вооруженной силы, то сия последняя отказалась бы повиноваться».

В конце октября 1820 года во дворе Преображенских казарм была найдена прокламация «от Семеновского полка Преображенскому». Прокламация эта замечательна резко отмеченной в ней классовой враждой к правительству и дворянству. Приведем ряд отрывков из этого интересного документа: «Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить орудие и отдаться на жертву злобе сих тиранов, в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от бессильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию через общее наше слепое к ним повиновение... Государь ни кто иной, как сильный разбойник... Не напрасно дворяне почитают воинов скотами, ибо воины себя не спасают от несчастья, а сами себе соделывают оное... Бесчестно российскому войску содержать своими силами государя-тирана. Вы, гвардейские воины, противу напольных (армейских) полков имеете двойное продовольствие, но хотя бы имели весьма хорошую жизнь, то и тогда должны подать руку помощи... Честно истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народа мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу. Бедные воины! Посмотрите глазами на отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами... Хлебопашцы угнетены податьми... многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину 6 дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных? Дети сих несчастных отцов остаются без науки, но оная всякому безотменно нужна; семейство терпит великие недостатки; а вы, будучи в такой великой силе, смотрите хладнокровно на подлого правителя и не спросите его: для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и вас содержать в таком худом положении... Спасите от разбойников своего брата и отечество... Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за

полезные будут признаны. По таковым народ должен управляться через посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах. Примерно сказать: служа рядовым солдатом 10 лет и не быв на сражении, не должен быть начальником роты; здесь солдат беспорочно служит 20 лет и покрыт ранами, не попадает в чиновники (т.-е. офицеры). Малолетний дворянин не может понимать о солдатских трудах, но командует стариком таким, который весь военный регул выучил еще до рождения сего надутого скота. Стыдно и посрамительно солдатам держаться такой глупости и смотреть на нестоящего стоящим!.. Следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя должны держать крепко».

Через несколько дней у одного преображенского унтерофицера был найден другой экземпляр этой прокламации. Все усилия властей найти автора ее оказались тщетными. Вопрос этот не выяснен и по настоящее время. Некоторые исследователи полагают, что автором ее был декабрист С. И. Муравьев-Апостол.

Кроме этой прокламации, была найдена другая прокламация с конкретным планом действия: солдаты должны арестовать всех начальников и избрать новых «из своего брата-солдата», которые должны «разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили так же».

Прокламации не вызвали ожидаемого автором эффекта. Несомненно, однако, что для читавших эти воззвания солдат они не прошли бесследно...

Подводя итоги всему сказанному здесь, мы видим, что солдаты гвардии в начале 20-х годов прошлого столетия не были уже совершенно темной, забитой и невежественной массой. Пребывание за границей, значительное распространение грамотности и общие условия жизни в столице оказали сильное развивающее влияние на солдат. Социальное происхождение, соприкосновение с рабочими и ремесленниками (мы знаем, что среди самих солдат были широко распространены ремесленные занятия) и коллективная казарменная жизнь обусловливали направление этого развивающего влияния.

ГЛАВА III

МЕЖДУЦАРСТВИЕ.

19 ноября 1825 года в Таганроге умер Александр I и императором был провозглашен его брат в. кн. Константин Павлович, находившийся в то время в Варшаве. Константин, однако, отказался принять корону, и в России начался период междуцарствия, закончившийся восстанием 14 декабря.

Константин Павлович, человек в высшей степени неуравновешенный и беспокойный, близко напоминал своего отца, убитого в 1801 году. Ему были свойственны добрые наклонности, которые, впрочем, редко воплощались в реальные факты. Если он и не был «либералом», то во всяком случае крепостником-бюрократом его назвать нельзя. Психический облик Константина Павловича очень сложен, в его натуре много противоречивого, но, несомненно, из всех сыновей Павла I это была наиболее привлекательная личность. Среди солдат и офицеров Константин пользовался большой популярностью, все время увеличивавшейся и распространявшейся. 20 марта 1820 года был расторгнут брак Константина с великой княгиней Анной Федоровной, а 12 мая того же года Константин женился на простой польской дворянке графине Жаннете Груздинской. Глубокая и искренняя привязанность Константина к своей молодой жене изменила к лучшему его неустойчивый характер. Не без давления со стороны Александра I, «представлявшего ему все неудобства сего супружества в отношении наследования по престолу», в январе 1822 г. Константин официально отрекся от права наследования престола. Этот решительный шаг Константина, к которому он готовился еще со времени убийства отца, глубоко его

поразившего, встретил полное одобрение жены. Отречение Константина летом 1823 г. было оформлено манифестом, которым наследником престола назначался третий брат— в. кн. Николай Павлович. Манифест был написан архиепископом московским Филаретом. Подлинник его был положен в Московском Успенском соборе, а списки с него, в государственном совете, сенате и синоде. Все четыре экземпляра хранились в запечатанных пакетах с собственноручной надписью Александра I: «Хранить до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого другого действия».

Отказ Александра I от немедленного распубликования манифеста, которое только и могло дать «духовной» силу государственного закона, был вызван различными соображениями. Сохранился весьма достоверный рассказ (в дневнике генерала Толя), устанавливающий главную причину этого чреватого крупными осложнениями поступка Александра I. Толь со слов в. кн. Михаила Павловича записал следующее: «Когда государь (Александр I) сообщил о сем (манифесте 1823 г.) в. кн. Николаю Павловичу, тогда его высочество убедительно просил государя уничтожить сию духовную, представляя, что по естественному праву принадлежит наследство брату его Константину Павловичу, но государь не внимал речам сим, а хотел немедленно манифестом об'явить его наследником престола; но повторительные и убедительные просьбы как его, так и в. кн. Александры Федоровны (жены Николая), склонили, наконец, государя ограничить сию духовную, по которой исполнение определено было привести в действие по смерти государя Александра Павловича». Просьба Николая имела большое основание. Сухой формалист, человек мелочный, жестокий, недалекий, но чрезвычайно самонадеянный и самолюбивый, Николай Павлович не пользовался любовью в «обществе». «Общество», т.-е. та часть общества, мнение которой только и принималось во внимание Николаем—офицерство, дворянство, высшее чиновничество,—знало его хорошо и ни в коем случае не могло бы отнестись одобрительно к назначению его наследником престола. Гвардейские солдаты успели узнать его, как типичного аракчеевца. Сам Николай великолепно учитывал это, говоря в минуты откро-

венности: «Я знаю, что меня ненавидят». Все это, принимая во внимание распространение тайных обществ (о Союзе Благоденствия правительство знало), «Семеновскую историю» и общее недовольство в широких кругах общества, вполне об'ясняет решение Александра I не публиковать манифеста, могущего явиться новым основанием для распространения отрицательного отношения к «установленному веками» строю. Манифест, таким образом, остался до самой смерти Александра I тайной, о которой знали родственники и немногие приближенные лица. Здесь сказалось характерное для того времени отношение к государству, как к семейной собственности «дома Романовых». Манифест был обращен в духовное завещание, подлежащее в случае смерти Александра I вскрытию и исполнению. Таким путем граждане России должны были узнать, «кому они принадлежат».

Глубокой осенью 1825 года Александр I находился на юге России. 19 ноября в Таганроге он внезапно скончался, о чем и было немедленно сообщено в Петербург и Варшаву.

Еще до получения этого известия, при первых сведениях об опасном положении Александра I, Николай Павлович созвал совещание, в котором об'явил о своем праве наследовать престол. Присутствовавший на этом совещании граф М. А. Милорадович, петербургский генерал-губернатор, настаивал на провозглашении императором Константина Павловича. По словам декабриста С. П. Трубецкого, «совещание продолжалось до 2-х часов ночи. В. кн. доказывал свои права, но граф Милорадович признать их не хотел и отказал в своем содействии. На том и разошлись». Свой отказ Милорадович мотивировал тем, что манифест не был опубликован, а потому не имеет значения закона. Кроме того, он указывал, что вся гвардия при этих обстоятельствах несомненно откажется ему присягнуть. Нужно сказать, что Милорадович, ненавидевший Николая и безусловно предпочитавший ему Константина, выражал общее мнение кругов, имевших большое влияние в этом вопросе. С мнением самого Милорадовича Николаю особенно приходилось считаться, так как Милорадович, заслуженный герой войны 1812 года, как петербургский генерал-губернатор, был фактическим хозяином положения.

27 ноября в Петербурге было получено известие о смерти Александра I. Милорадович лично сообщил об этом Николаю и предложил ему немедленно первому присягнуть Константину. Николай ничего лучшего, конечно, не мог сделать, как исполнить это предложение, тем более, что, не отличаясь особенной храбростью, он и сам побаивался провозгласить себя согласно «завещанию» императором. Заметим еще, что Николай не мог быть твердо убежден в том, что Константин вполне добровольно отказался «от такого лакомого куска», каким представлялся Николаю Российский престол. После этого, также при энергичном воздействии Милорадовича, присягнул и государственный совет. Войска были немедленно приведены к присяге, при чем встретили ее с большим удовлетворением.

Роль графа Милорадовича во всех этих событиях весьма велика. В записках Р. М. Зотова имеются сведения о разговоре Милорадовича с кн. А. А. Шаховским, в присутствии автора записок. Милорадович долго об'яснял свое поведение в день 27 ноября: «У кого 60.000 штыков в кармане, тот может смело говорить»,—заключил Милорадович, ударив себя по карману».—«Разные члены совета пробовали мне говорить и то и другое, но сам великий князь согласился на мое предложение и присяга была произнесена...» Н. К. Шильдер, авторитетный знаток эпохи, так комментирует эти слова: «Заявление Милорадовича не может быть признано пустым хвастовством. «Действительно, по справедливому замечанию современника (С. П. Трубецкого), судьбами отечества в то время располагал один граф Милорадович».

В Варшаву известие о смерти Александра I пришло 25 ноября, т.-е. двумя днями ранее, чем в Петербург. Константин Павлович, командовавший польской армией и Литовским корпусом и постоянно проживавший в Варшаве, встретил известие о смерти брата с твердым, повидимому, решением престола не принимать. Свой отказ от наследования престола он подтвердил письмами на имя Николая Павловича и Марии Федоровны (вдовы Павла I). С этими письмами был отправлен в Петербург 26 ноября в. кн. Михаил Павлович, находившийся в то время в Варшаве. Известие о смерти Александра I в тот же день широко распространилось. Жители Варшавы, не подозревая

о таинственном манифесте, ожидали торжеств в связи со вступлением на престол Константина. Польские власти, высшее командование и сенаторы готовились к принесению поздравления новому императору. Ждали только официального сообщения. Но Константин не торопился. На заявление приближенных он ответил: «Пока я не прикажу об'явить о смерти брата, до тех пор он не умер и все остается по-прежнему». В таком положении и оставалась Варшава во все время междуцарствия—новый император не провозглашался, так как старый был «жив».

До получения известия о присяге в Петербурге поведение Константина довольно ясно. Он был уверен, что в Петербурге, согласно манифесту 1823 года, будет провозглашен императором Николай, и поэтому ничего другого, помимо подтверждения своего отречения, он, конечно, и не мог сделать. Но когда 2 декабря в Варшаву прибыл ад'ютант Николая Павловича Лазарев с известием о принесении повсеместно присяги Константину, поведение его становится явно двусмысленным. Лазареву велели никуда не выходить и ни с кем не разговаривать. На другой день его отправили с ответным письмом Константина к Николаю Павловичу. Константин категорически отказывался приехать в Петербург, подтверждал свой отказ от престола и угрожал «удалиться еще далее, если все не устроится согласно воле покойного императора». Письмо это имело совершенно частный характер и не подлежало опубликованию.

Константин не мог не знать, что единственным выходом из создавшегося положения было личное присутствие его в Петербурге. Во всяком случае заменить его приезд в Петербург могло лишь издание манифеста от его имени, либо, если он не считал себя в праве выпустить его, оглашение какого-либо официального об'явления с подтверждением своего отречения. Не сделав ни того, ни другого, Константин фактически занял выжидательное положение, оставляя на волю обстоятельств дальнейший ход событий. Дать вполне удовлетворительное и определенное об'яснение действиям Константина чрезвычайно трудно. Возможно, что он искренно не желал принимать престола и, придерживаясь принципа: «моя хата с краю», предоставлял Николаю распутывать

все дело самостоятельно, оправдывая себя тем, что от престола он давно отрекся, наследником был назначен Николай и «священную» волю Александра I следовало выполнить беспрекословно. Не лишено, однако, вероятия и другое предположение: Константин, получив известие о присяге в Петербурге и увидев из официального донесения и из частных писем, что присяга прошла с большим под’емом, даже одушевлением, стал раскаиваться в своем отказе от престола и во все время междуцарствия, колеблясь и не принимая категорического решения, ждал естественной развязки в виде какой-либо торжественной депутации из Петербурга, приезда Николая и т. д. Заслуживает большого внимания и мнение, высказанное М. Н. Покровским. Говоря о близости Константина к некоторым декабристам, женитьбе на простой польской дворянке (что, несомненно, указывало на некоторую эмансипацию от традиций Зимнего Дворца), многолетнем пребывании в конституционной обстановке Польши, Покровский об’ясняет позицию Константина следующим образом: «Положение Константина было необыкновенно сложно. С одной стороны, он был осведомлен о существовании тайных обществ, во всяком случае не хуже Александра, но, само собою разумеется, отношение его к ним, в силу об’ективных условий «оппозиционного» великого князя, было иное, нежели царствующего императора: тот боялся, этот, напротив, мог надеяться... Константин мог стать царем только «волею народа»—в гвардейских мундирах: эта воля могла стушевать и худшие правонарушения (М. Н. Покровский имеет в виду отречение Константина от престола, принятое Александром и оформленное манифестом 1823 г., через которое самому Константину теперь перешагнуть было морально невозможно). Константин понимал, что присяга, данная людьми, не знавшими ничего о его отречении, не могла равняться такому волеизлиянию: ему нужно было нечто в роде переизбрания. К этому в сущности он и вел: не отрицая фактов, имевших место в 1823 году, даже подтверждая их, он, при всех настояниях Николая, отказывался дать одно—свое отречение у ж е к а к и м п е р а т о р а».

Трудно установить действительное отношение Константина к вопросу о престолонаследии, но во всяком случае

поведение его в дни междуцарствия было в высшей степени странным. Только лишь благодаря твердому характеру Николая и его огромному желанию стать императором, междуцарствие окончилось вступлением его на престол.

Николай Павлович тотчас после событий 27 ноября переехал в Зимний Дворец. В тот же день он начал деятельную переписку с Константином, ожидая от него окончательного, официального отречения от престола, удостоверявшего народ, что воля его после принесения ему присяги не изменилась. Константин, как мы знаем, необходимого Николаю вполне официального письма не присылал, и поэтому Николай, получив 12 декабря с фельд'егерем Белоусовым еще одно письмо Константина (от 8 декабря) совершенно частного свойства с наставлениями и советами, решил более не ждать и об'явить себя императором. Решение Николая было поддержано некоторыми придворными. Сперанский составил манифест, к которому вместо желаемого торжественного обращения Константина к народу были приложены: манифест 1823 г., письмо Константина об отречении от престола 14 января 1822 года, ответ на него Александра I (2 февраля 1822 г.) и письма Константина к матери и брату Николаю от 26 ноября 1825 года.

12 декабря в 6 часов утра, т.-е. до приезда Белоусова, Николай получил донесение о заговоре декабристов, повергшее его, по собственному признанию, в ужас. Начальник главного штаба барон Дибич сообщал о доносах Шервуда и Майбороды и мероприятиях Александра I, направленных к раскрытию заговора. В рапорте Дибича подробно описывались все обстоятельства предательства Шервуда и Майбороды и назывались имена заговорщиков (Вадковский, Никита Муравьев, Рылеев, Пестель, Лихарев, Корнилович, Чернышев, Свистунов и др.). Тотчас по получении этого донесения Николай пригласил гр. Милорадовича и кн. А. Н. Голицына, в то время бывшего начальником почтовой части. После обсуждения сообщения Дибича было решено принять особые меры предосторожности и в первую очередь арестовать находившихся в Петербурге заговорщиков, из числа переименованных в донесении. Все это было поручено генерал-губернатору гр. Милорадовичу.

В тот же день 12 декабря вечером, когда вопрос о вступлении Николая I на престол был окончательно решен, будущий император получил второе донесение о заговоре. Подпоручик Я. И. Ростовцев, впоследствии крупный государственный деятель, а в то время сослуживец декабриста Е. П. Оболенского и близкий друг многих участников заговора (есть указания на то, что Ростовцев сам был членом Северного Общества) явился к Николаю с письмом, в котором сообщал о «таящемся возмущении», готовым вспыхнуть при новой присяге, и просил его, «именем славы отечества», преклонить Константина Павловича принять корону. Ростовцев предлагал Николаю с'ездить в Варшаву или добиться приезда Константина в Петербург для того, чтобы он «всенародно на площади» провозгласил Николая «своим государем». Прочтя письмо, Николай позвал Ростовцева, ожидавшего в соседней комнате, обнял его, поцеловал и вступил с ним в «милостивую» беседу. Мы не знаем достоверно, о чем они говорили и назвал ли Ростовцев известных ему заговорщиков. Во всяком случае Николай получил точное уведомление о подготовляемом восстании, что имело для него огромное значение. О своем письме Ростовцев на другой же день лично сообщил своим друзьям Оболенскому и Рылееву. Оболенский был страшно возмущен предательством своего друга, и, лишь благодаря вмешательству Рылеева, Ростовцев был отпущен. Признание Ростовцева имело, однако, положительную сторону: декабристы, узнав от него о доносе, еще более укрепились в своем намерении поднять восстание, полагая, что «лучше быть взятым на площади, нежели в постели».

Как мы уже говорили, на совещании 12 декабря Николай поручил Милорадовичу принять все возможные меры к предупреждению восстания. В первую очередь было решено арестовать всех заговорщиков, названных в донесении Дибича. Но, как пишет Николай I в своей записке о 14 декабря: «из петербургских заговорщиков никого не оказалось налицо; все были в отпуску, а именно: Свистунов, гр. Захар Чернышев и Никита Муравьев, что более еще утверждало справедливость подозрения, что они были в отсутствии для с'езда, как в этой записке упоминалось.

Гр. Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить внимание полиции, но все осталось в прежней без'ясности». Николай здесь не упоминает о результате розысков Рылеева, также указанного в донесении Дибича. Он «в отпуску» не находился и, очевидно, подлежал аресту. Арест этот, как известно не состоялся.

Николай в своих записках, написанных через 10 лет после восстания, с явным недовольством говорит о Милорадовиче, обещавшем «обратить внимание полиции» и ничего не сделавшем. В своем неудовольствии Николай был безусловно прав: поведение Милорадовича в последние дни междуцарствия, когда стала известной позиция его «друга» Константина Павловича, особенно же после окончательного решения Николая занять престол, было вельма подозрительным. Действительно, петербургский генерал-губернатор, имевший неограниченные полномочия, знавший, что Рылеев находится в Петербурге и что по его следам можно ликвидировать всю революционную организацию до восстания, получавший подробные сведения от полицейских агентов о собраниях у Рылеева, ничего не предпринимал для предупреждения восстания. Роль «укрывателя» Милорадович, надо думать, играл вполне сознательно. Это необыкновенное для генерал-губернатора отношение к революционерам можно об'яснить крайним недоброжелательством Милорадовича по отношению к Николаю и возможной уверенностью его в том, что заговорщики стремятся к возведению на престол Константина, при ограничении его власти конституцией (а Милорадович, при всей безалаберности своей, был искренним либералом, в лучшем смысле этого слова). Каковы бы ни были в действительности мотивы, руководившие поведением Милорадовича, заслуга его перед декабристами, заслуга неизвестная им и потому неоцененная, представляется совершенно несомненной. Любопытно отметить, что еще в 1821 году будущий шеф жандармов генерал Бенкендорф в своей записке о тайных обществах, представленной императору Александру I, говорил о невозможности поручить дело наблюдения за заговорщиками гр. Милорадовичу, «который

окружен людьми, участвующими в обществе, или приверженными им».

Николай, окончательно решивший провозгласить себя императором, начал деятельно готовиться к этому, назначив днем присяги 14 декабря. 13 декабря Николай призвал к себе командира гвардейского корпуса генерала Воинова и, сообщив ему о своем решении, предложил в понедельник 14 декабря рано утром созвать во дворец всех генералов и полковых командиров корпуса, для личного об'яснения обстоятельств восшествия своего на престол, и сообщения инструкций по проведению присяги. Князю Лопухину, председателю государственного совета, Николай велел собрать совет к 8 часам вечера 13 декабря [1]). Настроение Николая, никому вполне не доверявшего и с ужасом ждавшего результатов своего «предприятия», лучше всего показывает письмо его к кн. П. М. Волконскому. Николай писал: «14 числа я буду государь или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя; вы, верно, надо мною сжалитесь—да, мы все несчастные, но нет несчастливее меня!»

---

[1]) В заседании государственного совета, состоявшемся значительно позже—в первом часу ночи—Николай I прочел манифест о вступлении своем на престол. Чтением манифеста закончился период междуцарствия. Великий князь Николай Павлович юридически стал императором Всероссийским.

ГЛАВА IV

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Известие о неожиданной смерти Александра I застало членов Северного Общества врасплох, обнаружив несомненную слабость организации. Николай Бестужев наглядно показывает положение общества в день получения этого известия: «Более года прежде сего (т.-е. смерти Александра I) в разговорах наших я привык слышать от Рылеева, что смерть императора была назначена обществом эпохою для начатия действия оного, и, когда я узнал о с'езде во дворец по случаю нечаянной кончины царя, о замешательстве наследников престола, о назначении присяги Константину, тотчас бросился к Рылееву. Ко мне присоединился Торсон. Происшествие было неожиданно; весть о нем пришла совсем не оттуда, откуда ожидал я, и, вместо начатия действия, я увидел, что Рылеев совершенно не знал об этом. Встревоженный и волнуемый духом, видя благоприятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала к действию, я горько стал выговаривать Рылееву, что он поступил с нами иначе, нежели было должно. Где же общество, говорил я, о котором столько рассказывал ты? Где же действователи, которым настала минута показаться? Где они соберутся, что предпримут, где силы их, какие их планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болезни царя, тогда как во дворце более недели получаются бюллетени об опасном его положении? Ежели есть какие намерения, скажи их нам, и мы приступим к исполнению—говори! Рылеев долго молчал, облокотясь на колено и положив голову между рук. Он был поражен не-

чаянностью случая и, наконец, сказал:—это обстоятельство дает нам явное понятие о нашем бессилии. Я обманулся сам, мы не имеем установленного плана, никакие меры не приняты, число наличных членов в Петербурге невелико, но несмотря на это, мы соберемся опять сегодня ввечеру; между тем я поеду собрать сведения, а вы, ежели можете, узнайте расположение умов в городе и войске. Батенков и брат Александр явились в эту минуту и первое начало происшествий, ознаменовавших период междуцарствия, выразилось бедным собранием пяти человек».

Н. Бестужев в этом рассказе допустил несколько неточностей (согласно показанию Рылеева в следственной комиссии от 24 апреля 1826 года о смерти Александра I он был уведомлен несколько ранее, декабристом Якубовичем; о болезни Александра Рылеев также знал и даже уговорился с Трубецким созвать совещание у Оболенского), но общее освещение вполне соответствует действительности. Декабрист Е. П. Оболенский показывал на следствии: «В день присяги бывшему императору Константину Павловичу, собрались мы у Рылеева—Трубецкой, я, Николай и Александр Бестужевы и, поздравляя друг друга с неожиданным для нас происшествием, мы сознались все в слабости наших сил и невозможности действовать сообразно цели нашей и расстались, не положив ничего решительного».

В тот же день выяснилось, что весть о восшествии на престол Константина Павловича была встречена с удовлетворением и надеждою на скорые улучшения и реформы. С. П. Трубецкой говорил на следствии: «Вскоре после полученного известия о кончине императора, разошлись по городу слухи, что гвардейские солдаты присягнули его высочеству цесаревичу с удовольствием, что во многих полках говорили люди, что жалованье в Варшаве дается серебром [1]), что им и здесь, верно, прибавлено будет и что года два, конечно, службы убавят». Каховский в показании 18 декабря говорил: «По кончине государя Александра Павловича, по сведениям нашим из полков на щет желания солдат, оные говорили, что быв измучены вытяжкой и учениями, выходят из терпения и, что желают Константина,

[1]) Т.-е. твердой валюте, а не ассигнациями.

потому что слышат от пришедших из Варшавы, что он вовсе переменился и от солдата не требует лишнего и, особенно, ежедневно правил не изменяет». Сведения эти, показывавшие, «с какою готовностью присягнули все полки цесаревичу», укрепили членов общества в решении не предпринимать конкретных шагов к организации, в связи с кончиной Александра I, восстания. А. А. Бестужев так рассказывал об этом на следствии: «О болезни (Александра I) узнали мы на ночь 27 ноября и не полагали ее смертельною, отчего и мер никаких не взяли. В день присяги (т.-е. 27 ноября) мы поутру еще не знали верно, кому присягать будут, и полки присягнули единодушно прежде, нежели мы увидали друг друга. Все мы видели очень хорошо, что предпринимать что-либо, не имея никакой надежды на солдат, было бы безрассудно, а оттого даже и не думали возмущать их». Возвратясь от присяги Константину, А. Бестужев застал у себя Рылеева, который ему «сказал, что это (т.-е. присяга) доказывает, как мы ошибались думая, что солдаты забыли Константина Павловича и что теперь должно ждать».

Неподготовленность общества к активной революционной деятельности, в связи с отношением солдатских масс к Константину Павловичу вызвали «ликвидаторское» настроение среди северян. В первый день решили даже «вместе с появлением нового императора, действия общества на время прекратить». Постановление это, впрочем, не думали немедленно проводить в жизнь, так как в тот же день появились первые известия о манифесте 1823 г. и о возможном подтверждении отречения со стороны Константина Павловича. По словам Рылеева решение общества приняло условную форму: «В случае принятия короны государем цесаревичем, об'явить общество уничтоженным и действовать сколь можно осторожнее». Таким образом, по мере выяснения положения, вопрос о ликвидации Северного Общества терял свое основание и вскоре был совершенно оставлен.

Еще до того, как слухи об отречении Константина приняли вполне положительную форму, в обществе началась интенсивная организационная деятельность. Независимо от возможного отречения Константина, решили при-

готовиться на всякий случай[1]). Начались «решительные и каждодневные совещания», старались приготовить новых членов среди гвардейских офицеров и немедленно принимали тех, которых имели уже в виду. В первые же дни был избран диктатором кн. С. П. Трубецкой, утверждавший, «что теперь обстоятельства чрезвычайные и для видов наших решительные». Несколько членов Северного Общества (Рылеев, Николай и Александр Бестужевы) предприняли даже попытку «приготовить дух войска для всякого случая, могшего представиться впоследствии». «Вначале, рассказывает Н. А. Бестужев, «положили мы писать прокламации к войску и тайно разбросать их по казармам», но после, «признав это неудобным, изорвали несколько написанных листов и решили все трое итти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба... Нельзя представить жадности с какой слушали нас солдаты; нельзя из'яснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом».

Между тем слухи об отречении Константина от престола становились все более и более настойчивыми и к 9—10 декабря передавались уже в виде безусловного утверждения. 12 декабря стало известным принятое Николаем I решение занять «праздный» престол. К назначенному на 14 декабря дню торжественного восшествия на престол Николая I Северное Общество и решило приурочить начало вооруженного восстания в Петербурге.

Вырабатывая общий план восстания, декабристы исходили из следующего основного положения: революция должна быть военной—«народ», т.-е. вся та часть общества, которая не была вооружена и не входила в состав армии, активного участия в перевороте не должна была принимать. Солдаты и офицеры, представлявшие единственную организованную общественную группу, должны взять на себя

---

[1]) Думали, например, «содействовать южным членам, если они подымутся».

свержение самодержавного строя и установление нового режима. Только при соблюдении этого условия декабристы мыслили возможность удачного и максимально безболезненного осуществления переворота. Никаких «беспорядков» не должно быть, ни одной лишней капли крови не должно пролиться. Все должно быть совершено в строгом порядке. Это категорическое желание избежать всего того, чем сопровождалась великая французская революция, имеет глубокие корни не только в социальном происхождении декабристов, но и во всей сущности декабризма. Основной чертой декабристов было то, что они являлись заговорщиками, притом заговорщиками военными, сходными с испанскими революционерами 20 годов XIX века. Рылеев и Трубецкой так же, как и Риего и Квирого в Испании представляли наилучшей и действительнейшей революционной тактикой, тактику военного восстания. Не из боязни «народа», но ради блага народа (декабристы не учитывали классового антагонизма и всегда имели в виду народ, как совокупность всего общества) он отстранялся от участия в революции. Неорганизованное восстание народных масс, по мнению декабристов, должно было неминуемо привести к междоусобице и в конечном итоге к реакции. Вся деятельность тайных обществ до декабря 1825 г. сводилась к организации военного заговора, при чем к участию в заговоре привлекались почти исключительно офицеры. Декабристы считали, что солдаты—крестьяне в силу глубоких социальных оснований и без активного, фактического участия в тайном обществе, готовы итти за своими начальниками-революционерами. Восстание 14 декабря являлось реализацией всех этих оснований декабризма. Не учтя этого, мы не поймем революционной тактики 14 декабря.

Вся обстановка междуцарствия складывалась в пользу декабристов. Неожиданная смерть Александра I, отречение Константина Павловича, с именем которого связывались чаяния солдатских масс, предстоявшая присяга ненавистному крепостнику Николаю I—создавали благоприятную революционную атмосферу.

Мы, имевшие опыт 9 января 1905 года, знаем, что за 80 лет до того, нелегко было увлечь солдат на прямой и безусловный революционный путь. С веками длившимся

монархическим укладом жизни, с царем—«помазанником божьим», нельзя было не считаться революционерам 1825 года. Нельзя было не принять во внимание и легенду создавшуюся вокруг имени Константина, с одной стороны, увеличивающую шансы на успех восстания, но с другой стороны, не позволявшую выступить с открытым требованием учредительного собрания и демократической республики. Все это заставляло декабристов выдвинуть в виде лозунга восстания «Константина и конституцию». Официальный лозунг не был, конечно, действительным политическим лозунгом восстания. Правда, среди членов Северного Общества было распространено мнение о необходимости, в силу особых исторических условий России, хотя бы внешнего сохранения монархического строя, но основной целью переворота 14 декабря декабристы ставили немедленный созыв учредительного собрания. Будущее социально-политическое устройство России в планах северян не предрешалось—их роль должна была ограничиться свержением самодержавия и созывом народных представителей.

Основным моментом, благоприятствовавшим декабристам было отречение Константина. Как мы знаем, только после того, как стало выясняться, что Константин престола не принимает, декабристы решили приступить к организации восстания. Более того, в случае принятия короны Константином, предполагалось временно прекратить деятельность общества и выжидать первых политических шагов нового императора. В показании на следствии, Трубецкой так рассказывает о начале подготовительной работы северян: «Когда разнеслись слухи об отречении его императорского высочества, тогда же вместе с тем стали говорить, что если сам Константин Павлович не приедет, то трудно будет уверить солдат в отречении его от престола, что это дело у нас небывалое и народ не в состоянии всего понять; что будто в некоторых полках говорили солдаты, что если его высочество не будет сюда, то они пойдут за ним в Варшаву. Рассуждая о сих случаях с Рылеевым, он мне говорил, что из сего может выйти что-нибудь важное, и что для того, чтоб не было пустых беспорядков, надобно подумать, нельзя ли сим воспользоваться для установления конституции, что такого случая уже не может

более быть никогда, что слышно, будто полки хотят вывести из города для присяги государю императору Николаю Павловичу, и что в сем случае, вероятно, будет общее сопротивление». Тут же, рассказывает Трубецкой, Рылеевым и им был выработан в самых общих чертах план восстания. Политическую программу восстания определял составленный Трубецким проект манифеста к народу. Первым пунктом манифеста было «уничтожение бывшего правления», вторым—учреждение временного правления, затем провозглашались свобода печати и «равенство всех сословий пред законом», уничтожалось право собственности на людей, вводился гласный суд присяжных и выборное начало при замещении должностей в волостных, уездных, губернских и областных правлениях, об'являлось сокращение срока военной службы для нижних чинов, которое должно было последовать по уравнению воинской повинности между всеми сословиями, предписывалось увольнение в отставку все без исключения нижних чинов, прослуживших 15 лет и т. д. Манифест этот должен был быть издан от имени сената, немедленно после переворота. На следствии Трубецкой говорил, что проект манифеста не был окончательно утвержден—из него «возможным полагалось многое уступить, исключая однако ж собрание депутатов из губерний по сословиям».

Организационная работа, особенно интенсивная с 9 и 10 декабря, когда создалась полная уверенность в том, что Константин свое отречение решил подтвердить и поэтому престол переходит к Николаю, велась, главным образом, в трех направлениях: привлечение к заговору офицеров, находившихся в Петербурге, выяснение боевых сил и выработка конкретного военного плана восстания. Всей этой работой руководил Трубецкой, облеченный диктаторскими полномочиями на это время, совместно с Рылеевым и Оболенским. Офицеры, на которых можно было рассчитывать, приглашались на отдельные полковые собрания, а затем, наиболее надежные из них, и на общие собрания у Рылеева и Оболенского. Собрания протекали очень бурно и в последние дни (12—13 декабря) продолжались почти круглые сутки. Штаб-квартира заговорщиков была у Рылеева. В своих показаниях на следствии, Рылеев так об'ясняет это об-

стоятельство: «С известием о слухе, что государь цесаревич отрекается от престола, первый приехал ко мне Трубецкой и положено было воспользоваться сим непременно... Квартира моя с того самого времени действительно сделалась местом совещаний и сборища заговорщикам, откуда исходили все приготовления и распоряжения к возмущению; но это произошло случайно, по причине моей болезни (грудная жаба), которая не позволяла мне выезжать. В противном случае, я конечно б не допустил у себя сих собраний, как для безопасности собственной, так и общества».

Основным вопросом, обсуждавшимся на совещании, было выяснение частей гвардейского корпуса, на которые можно было рассчитывать декабристам. Предполагалось, что не присягнут Николаю полки: Измайловский, Финляндский, Егерский, Гренадерский, Московский, Гвардейский Экипаж и л.-гв. Конная Артиллерия. На участии этих частей и строился план восстания. Конечно, выяснить с полной несомненностью, выступят ли все названные полки или нет, практически не представлялось возможным. Правда, в каждом полку было несколько своих людей, но быть уверенными, что эти два—три поручика и прапорщика сумеют поднять весь полк, нельзя было. Старались выяснить «доподлинно», какой дух в полках. Но и здесь сведения не могли быть точными и определенными и сводились к общему утверждению, что солдаты «явно говорят, что они не присягнут другому императору, присягнувши раз одному». Для более полного учета сил, а также для личной проверки настроения отдельных полков руководители заговора устраивали совещания с представителями полков и присутствовали на полковых собраниях членов тайного общества и вновь привлекаемых офицеров. 12 декабря было собрание у кн. Щепина-Ростовского, на котором присутствовали офицеры Московского полка М. Бестужев, кн. Кудашев, Броке, Волков, Корнилов, кн. Цицианов и др. 11 декабря было совещание офицеров Финляндского полка у штабс-капитана Репина на котором кн. Оболенский выступил с речью, сообщив о планах Северного Общества. «Заключением сих рассказов, сообщается в официальном документе, было условие не присягать, а в случае принуждения к тому собраться на Сенатскую площадь». На совещании присут-

ствовало около 10 человек. Кроме того, были частные совещания офицеров Измайловского и Гренадерского полков и Гвардейского Экипажа.

Систематическая агитация среди солдат не велась, как по соображениям конспирации, так и в силу уверенности в том, что и без предварительной подготовки солдаты охотно последуют примеру своих командиров. Отдельные шаги в этом направлении тем не менее предпринимались: так, например, лейтенант Гвардейского Экипажа Арбузов, как видно из следственных материалов 12 и 13 декабря «делал солдатам роты своей неблагонамеренные внушения».

Базируясь на всех этих данных, Трубецкой выработал подробный план восстания. Согласно этому плану восстание должно начаться утром 14 декабря, во время приведения отдельных полков гвардии к присяге Николаю I. Офицеры и солдаты должны отказаться присягать, настаивая на том, что присяга ложная, Константин не отрекался от престола и т. д. Предполагалось, что этот предлог, придавая всему восстанию как бы законную форму (верность присяге!), должен привлечь к восстанию даже наиболее отсталую и политически неразвитую часть солдатских масс. Офицеры при этом должны тут же сообщить солдатам о всех преимуществах Константина перед Николаем: им будет сокращен срок службы, будут даны всяческие льготы, облегчения и проч. Подняв, таким образом, один полк, офицеры-заговорщики должны вести его к соседнему полку, который и стараться присоединить к восставшему ранее. Восстание следует начать в Гвардейском Экипаже. Экипаж немедленно должен итти к Измайловскому полку, а затем к Московскому. Гренадерский и Финляндский полки направляются прямо на Сенатскую площадь, куда собираются и все остальные полки. Здесь концентрируются все восставшие войска и выявляется цель восстания, путем об'явления манифеста об учреждении временного правительства и созыве учредительного собрания.

Предложенный Трубецким план восстания обсуждался на совещаниях с Рылеевым и Оболенским. Принимая план в целом, Рылеев, однако, настаивал на том, что все без исключения полки для экономии времени должны итти прямо на Сенатскую площадь. Категорически возражая против

этого и упорно отстаивая свое тактическое предположение как безусловно необходимую меру, «без которой ничего нельзя будет сделать», Трубецкой в конце концов, повидимому, уступил Рылееву—по крайней мере, когда вечером 13 декабря Рылеев говорил при нем лейтенанту Арбузову, что рано утром придет к нему в экипаж и они выступят «прямо на площадь», Трубецкой «на сии слова уже не возражал». Как и все распоряжения Трубецкого, последняя окончательная инструкция была передана через посредство Рылеева. «Офицерам разных полков, принадлежавших к обществу, говорит Рылеев в своих показаниях, я передавал план Трубецкого и приказание не допускать солдат к присяге, стараться увлечь их за собой на Сенатскую площадь и там ожидать приказания кн. Трубецкого. Наставления же как поступать на площади я давать не мог, ибо это зависело от обстоятельств и от князя Трубецкого». Таким образом, остроумное тактическое предположение Трубецкого о начальном периоде операции было отвергнуто и 14 декабря восставшими не осуществлялось. Вспоминая об этом на следствии, Трубецкой не мог скрыть своего раздражения на оппозицию Рылеева в этом вопросе. Раздражение Трубецкого, как военного тактика, нам должно быть вполне понятно: нельзя сомневаться в том, что если бы согласно плану Трубецкого, Гвардейский Экипаж не выступил бы непосредственно на Сенатскую площадь, а отправился к Измайловскому полку, солдаты которого отказались присягать, но не решались самостоятельно выступить, декабристы имели бы в своем распоряжении еще одну крупную боевую единицу, что значительно изменило бы соотношение сил в день 14 декабря.

При выработке плана естественно возникал вопрос и о занятии крепости и дворца. В этом вопросе мнения также разделились. Крепость, например, Трубецкой решил не занимать, считая, что «сие слишком разделит силы», и вообще не находя в этом нужды. Также было отвергнуто и предложение начать выступление ночью, так как поднять солдат до об'явления им высшим начальством приказания присягнуть Николаю, считалось невозможным.

Необходимо заметить, что кн. Трубецкой детально разрабатывавший военную сторону восстания, являлся не

столько общим руководителем—диктатором, сколько начальником штаба. Не учитывая революционной обстановки, строго разделяя участников заговора на «совещательных» и «несовещательных» лиц, не считаясь с тем, что начинается гражданская война, Трубецкой, при всех своих несомненных военных достоинствах оказался плохим революционером. В полной мере это обнаружилось 14 декабря, когда он не явился на площадь, оставив восставшие войска на произвол обстоятельств. Декабристы чувствовали эту нереволюционность своего военного вождя и поэтому ряд существенных вопросов они обсуждали без него и помимо него. Таковым было повидимому обсуждение вопроса о цареубийстве и назначение Каховского для выполнения этого акта, предположение занять дворец и т. д. Все это вносило в подготовку восстания некоторую дезорганизацию, сыгравшую известную роль в день 14 декабря. Многие основные революционно-тактические вопросы остались нерешенными в окончательной форме, многие оставались совершенно открытыми. Здесь прежде всего сказался недостаточный срок для подготовки выступления (всего несколько дней), но несомненно сказались и общие дефекты организации Северного Общества. Исправлять эти дефекты было поздно; нельзя было и отложить восстание. Готовясь к выступлению 14 декабря, декабристы учитывали все эти недостатки; быть может, они и не рассчитывали на благоприятный исход восстания, но начать борьбу с самодержавием было необходимо, и декабристы ее начали.

ГЛАВА V

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ

14 декабря в 5 часов утра все дивизионные, бригадные, полковые и отдельных батальонов командиры, согласно полученному накануне приказанию, собрались в Зимнем Дворце. Николай I, одеваясь, имел частное совещание с генерал-ад'ютантом Бенкендорфом, после чего приняли командира гвардейского корпуса, ген. Воинова. В седьмом часу Николай I вышел к собравшимся начальникам гвардейских частей. Об'яснив им обстоятельства, позволявшие ему занять престол, он прочел манифест и приложенные к нему документы. На вопрос его, «не имеет ли кто каких сомнений», все присутствовавшие отвечали, что «не имеют никаких и признают его законным императором». После этого Николай приказал немедленно отправиться в Главный Штаб для принесения присяги. В круглом зале библиотеки Главного Штаба, все начальники гвардейских частей, совместно с собравшимися к тому времени полковыми и отдельных батальонов ад'ютантами, были приведены к присяге. По выполнении всех обрядов, была дана инструкция по проведению присяги в полках: перед присягой должен быть прочитан манифест со всеми приложениями и только после этого следует приступить к самой церемонии. Все части гвардии должны присягать каждая в отдельности в своих казармах. Получив инструкции, начальники раз'ехались по своим частям. В это же время происходила присяга в Сенате и Синоде. В 11 часов было назначено торжественное молебствие в Зимнем Дворце[1]).

[1]) Молебствие было затем отложено и состоялось лишь в 7 ч. вечера, по ликвидации восстания.

Рано утром, еще задолго до присяги в полках все участники заговора были на ногах. Трубецкой в семь часов утра был уже у Рылеева, с которым и совещался о предстоящем выступлении. Вслед за тем Рылеев с И. Пущиным посетили Трубецкого, начавшего, повидимому, колебаться, но все-таки обещавшего быть на площади. У Трубецкого Рылеев и Пущин узнали, что л.-гв. Конный полк уже присягнул. Тотчас же они отправились в Московский полк, а оттуда в казармы Гвардейского Экипажа. Якубович, которому было поручено руководить выступлением Гвардейского Экипажа, был в экипаже еще ночью. Палицын два раза ездил в казармы л.-гв. Гренадерского полка и в Гвардейский Экипаж. В. Кюхельбекер был в экипаже и в Московском полку. Наконец в Гвардейском Экипаже были Каховский и братья П. и Н. Бестужевы. Все остальные заговорщики усиленно готовились к выступлению в своих полках.

Присяга происходила во всех полках в разное время, с 9 до 11 часов утра. Как и ожидали заговорщики, приведение к присяге почти ни в одном полку не прошло спокойно. Солдаты волновались и с трудом, после долгих убеждений, соглашались присягать Николаю. Настроение солдат старались использовать офицеры-заговорщики.

В конной артиллерии целый ряд офицеров, близких заговору, отказался присягать. Они были тотчас же арестованы и «отделены в особую комнату». Тем не менее, не теряя надежды увлечь солдат, они «насильственным образом отворив двери и с шумом выйдя оттоль, кричали: «Ребята! Измена! Вас обманывают, Константин Павлович не отказывается, ура! Константин!» Их приказали снова схватить. Тогда один из офицеров, прапорщик Малиновский «обнажив саблю, ударил одного часового в лицо» и все они бежали из казарм. Часть из них явилась к Пущину, который, однако, заявил им, что «без людей в них нет надобности». Наиболее деятельный конно-артиллерист граф И. П. Коновницын, по словам официального документа, обскакав верхом большую часть города, возбуждал к неповиновению бывших в карауле на арсенальной гауптвахте солдат Саперного батальона, а равно и шедших за знаменами нижних чинов Преображенского полка и с тем же намерением был на придворном конюшенном дворе и л.-гв.

Гренадерском полку». В Гвардейском Саперном батальоне, казармы которого были смежны с конно-артиллерийскими, также пришлось напомнить «людям о их долге и безусловном повиновении». Волнение в батальоне вызвало появление у ворот казарменного двора двух конно-артиллерийских офицеров, ехавших на санях и перерезавших дорогу взводу, шедшему из Аничкового Дворца, со знаменем. Конно-артиллеристы кричали: «Не присягайте, братцы, вас обманывают!» С большим трудом командовавший взводом офицер привел его в порядок и ввел во двор. В Кавалергардском полку присяга окончилась благополучно вследствие бездеятельности и нерешительности офицеров-декабристов. Полковому командиру генералу Апраксину пришлось употребить большие усилия для удержания полка в порядке. Когда кавалергарды были собраны в манеже, полковой ад'ютант прочел манифест Николая I. Боясь, что начинавшие уже волноваться солдаты откажутся присягать, генерал Апраксин приказал эскадронным командирам подробно об'яснить все обстоятельства отречения Константина. Присутствовавший при присяге дивизионный генерал Бенкендорф начал торопить офицеров и приказал «присягать без рассуждений». В рядах началось волнение, все более и более разраставшееся. Увидев это, генерал Апраксин подбежал к Бенкендорфу и решительно предложил ему оставить помещение манежа. Затем, сняв каску и подняв правую руку Апраксин клялся полку, что Константин Павлович отрекся от престола вполне добровольно и, указав на то, что престол перешел к Николаю по воле императора Александра I, заклинал полк именем покойного императора, присягнуть Николаю I. Только этим необычным поступком Апраксину удалось успокоить полк и довести присягу до конца. Не меньших усилий стоило приведение к присяге л.-гв. Конного полка. Здесь не только солдаты, но и священник отказывались от присяги. Когда полк был выстроен и был прочитан манифест, священник Поляков отказался читать формулу присяги. Тогда командир полка вырвал у него из рук присяжный лист и сам прочел его перед волновавшимися солдатами.

В Преображенском полку избежать волнений, по словам Трубецкого, удалось обещанием всяких льгот и раз-

дачей большой суммы денег из артельной кассы. Как и ожидали декабристы, серьезное волнение возникло и в Измайловском полку. Офицеры этого полка, участвовавшие в заговоре, накануне присяги вели усиленную агитацию среди нижних чинов и когда полк был построен для приведения к присяге, они громко стали убеждать солдат не присягать Николаю и, взяв боевые патроны, итти на Сенатскую площадь. Солдаты однако не решились выступить... Неудача чрезвычайно поразила офицеров. Один из них, капитан И. И. Богданович, побежал на свою квартиру и застрелился.

Московский полк выступил перед присягой. Л.-гв. Гренадерский полк присягнул Николаю, но несмотря на это присоединился к восставшим. Гвардейский Экипаж восстал во время приведения к присяге и тоже присоединился к революционным войскам.

По плану Трубецкого Гвардейский Экипаж должен был итти к Измайловскому полку, а Измайловский уже к Московскому. Как об'ясняет Трубецкой, распорядок этот был установлен после тщательного рассмотрения всех данных, на основании которых можно было судить о степени подготовленности к восстанию того или иного полка. Наиболее прочной представлялась ему возможность выступления Гвардейского Экипажа. За Гвардейский Экипаж или по крайней мере за часть его, в самой категорической форме ручался представитель его, лейтенант Арбузов. С большой уверенностью полагались также и на Измайловский полк, несколько офицеров которого были членами тайного общества. Меньше всего Трубецкой рассчитывал на возможность поднять Московский полк. В своих показаниях на следствии он говорит: «На Московский полк я мало располагался, потому что в оном надеялись только на двух ротных командиров: кн. Щепина и Бестужева, из коих последний не полагал, чтоб рота имела к нему доверенность, потому что он только два месяца ею командовал». Поэтому в плане восстания Московскому полку отводилось только третье место. Как мы знаем план Трубецкого в этой части вызвал решительные возражения Рылеева. Взгляд Рылеева, повидимому, разделяло и большинство рядовых участников заговора. Во всяком случае московцы, не ожидая других

полков, решили итти «прямо по Гороховой», что и сделали 14 декабря.

Всей работой по подготовке Московского полка руководил командир 3-й роты этого полка М. А. Бестужев. В организационной работе М. А. Бестужеву помогал его брат, ад'ютанта герцога Виртембергского А. А. Бестужев и командир 6-й роты Московского полка кн. Щепин-Ростовский. Хотя Щепин-Ростовский и не был членом тайного общества и о готовящемся восстании узнал всего за несколько дней до 14 декабря, тем не менее он принял самое живейшее участие во всех подготовительных работах. 12 декабря у него было устроено совещание, на котором присутствовали его сослуживцы по полку: Волков, кн. Кудашев, Броке, Корнилов и М. Бестужев. В тот же день М. Бестужев, Броке, Волков и Щепин-Ростовский были и у Бестужева и решили, во что бы то ни стало, поднять Московский полк. М. Бестужев вел самую энергичную агитацию и среди остальных офицеров полка, а также среди нижних чинов. В своих воспоминаниях он говорит: «Последние два дня солдаты мои усердно работали в других ротах и ротные командиры дали мне честное слово не останавливать своих солдат, если они пойдут с моими». 13 декабря М. А. Бестужев был дежурным по городским караулам и своими служебными об'ездами караулов воспользовался для привлечения на сторону заговорщиков бывших в карауле офицеров. Об'езд караулов продолжался до глубокой ночи.

Наступило утро 14 декабря. Солдаты глухо волновались. К 9 часам в казармах полка собрались офицеры-заговорщики. Наскоро обсудив план выступления, решили, не дожидаясь сбора солдат для присяги Константину, начать восстание. В 10 часу Щепин-Ростовский и Бестужев выступили перед солдатами 6-й роты, командиром которой был Щепин-Ростовский. М. Бестужев и Щепин-Ростовский убеждали солдат отказаться от присяги Николаю, указывали на «незаконность» этой присяги и т. д. Затем они отправились в 3-ю роту, командуемую М. Бестужевым, где также требовали отказа от присяги. В это время приехал А. Бестужев. Вся группа участников заговора: А. и М. Бестужевы, Щепин-Ростовский, Волков, Броке и другие—

снова отправились в казармы. Они посетили 2, 3, 5 и 6 роты и всюду выступали с агитационными речами. А. Бестужев заявил солдатам, что он приехал из Варшавы от Константина Павловича, чтобы об'явить солдатам, что Константин Павлович не отказывается от престола и что Николай и генералы не хотят допустить Константина к занятию престола, зная, что он близко принимает к сердцу интересы солдат и всего народа. Вспоминая об этом эпизоде на следствии, А. Бестужев признавался: «Я говорил сильно—меня слушали жадно»... Закончив предварительную подготовку солдатских масс, офицеры собрались в фельдфебельской комнате 6-й роты. Здесь было устроено совещание, после которого солдатам был отдан приказ одеваться, захватить боевые патроны и готовиться к выходу. Офицеры разошлись по ротам и начали выводить их на ротные дворики казарм. 3-ю и 6-ю роты выводили М. Бестужев и Щепин-Ростовский. 5-ю ротный фельдфебель, 2-ю Александр Бестужев. Здесь солдаты были построены. Затем по приказу М. Бестужева и Щепина-Ростовского 3 и 6 роты зарядили ружья, взяли их на руку и с криком ура побежали на большой полковой двор. Вслед за ними направились, вместе с А. Бестужевым, 2 и 5 роты. Официальный документ так описывает этот решительный момент выступления Московского полка: «6 рота выходила вместе с 3 ротою.—Тут подходил к Щепину, бывшему тогда на дворике, кн. Цицианов и говорил, что всех офицеров генерал требует: Щепин отвечал,—что он не хочет знать генерала. Когда же совсем оные роты выведены были, то и Щепин и Михаил Бестужев приказали зарядить ружья и первый с саблею, а последний с пистолетом в руках, закричавши ура, побежали на большой двор, при чем нижние чины имели ружья на руку, а впереди барабанщик бил тревогу.—Подпоручик Веригин, собиравший в это время офицеров к полковому командиру, был окружен ими на большом дворе, коему Щепин грозя саблею, а Александр Бестужев пистолетом, принуждали его вынуть шпагу и кричать с ними ура Константину, который (Веригин) добежавший с ними до больших ворот отделился от них». Уже выбежав за ворота, заметили, что нет знамени; Щепин-Ростовский «с бушующей толпой» воротился назад и «кричал,

чтобы вынесли знамя из учебной залы». Как раз в это время, по приказанию полкового командира, предполагавшего приступить к приведению к присяге нижних чинов в полках, вышли на двор гренадеры со знаменами. Восставшие бросились на гренадер и после недолгой схватки, избив наиболее упорных прикладами, отняли знамена, сломав при этом древко одного из них. С развевающимися знаменами солдаты бросились снова к выходу. Между тем на двор выбежали полковой командир Фредерикс, бригадный командир Шеншин, полковник Хвощинский и другие офицеры. Щепин-Ростовский бросился на них с саблею в руках. Первым упал Фредерикс с разрубленной головой. Шеншин был сильным ударом брошен на землю, после чего Щепин-Ростовский нанес ему несколько ран саблею. Полковнику Хвощинскому, пытавшемуся остановить солдат в воротах, Щепин нанес три тяжелых ранения. Кое-как построившись на улице, московцы под командой Щепина-Ростовского направились в спешном порядке к Сенатской площади. На улице к солдатам присоединились толпы народа, при чем пытавшихся отгонять их полицейских офицеров солдаты избивали прикладами. На углу Гороховой улицы московцев встретил Якубович, направившийся с ними на площадь. Здесь к ним несколько позже присоединились Гвардейский Экипаж и лейб-гренадеры.

14 декабря утром командир Гвардейского Экипажа капитан 1-го ранга Качалов прибыл из Главного Штаба, после принесения присяги Николаю начальников отдельных частей гвардии, в казармы экипажа. Немедленно по приезде в казармы, Качалов командировал один взвод в Зимний Дворец за знаменами и, по возвращении его, созвал к себе всех штаб-офицеров и ротных командиров экипажа, которым и сообщил о вступлении на престол Николая I. Присяга была назначена в 10 часов. К этому времени ожидали бригадного командира генерала Шипова.

Весь экипаж был построен на дворе. Шипов, лично присутствовавший при приведении к присяге двух других полков (Семеновского и Гренадерского), входивших в его бригаду, прибыл с некоторым опозданием. Командир экипажа предупредил его о замеченном им волнении среди матросов и офицеров. Шипов немедленно принял меры пре-

досторожности, послав своего ад'ютанта в Семеновский полк и приказав ему как можно скорее привести 1-й батальон полка[1]). Не показывая своего беспокойства, Шипов приступил к присяге. Весь экипаж был построен на дворе. Ответив на официальное приветствие экипажа, Шипов обратился к нему с речью, в которой подробно рассказал об отречении Константина и обстоятельствах восшествия на престол Николая. Речь была выслушана «в тишине и молчании». Раздалась команда: «на караул», и началось чтение манифеста. Тут долго сдерживаемое возбужденное настроение офицеров и матросов, наконец, прорвалось. Раздались голоса: «отставить, отставить». Чтение манифеста было тотчас же прекращено. Шипов вызвал из строя ротных командиров. На вопрос его: «что это значит? отчего такое ослушание?» лейтенанты Арбузов, Бодиско, М. Кюхельберек (брат поэта) и Вышневский заявили, что присягать Николаю до тех пор, пока сам Константин не освободит от принесенной ему присяги, экипаж не будет. После тщетных убеждений, Шипов пригласил ротных командиров во внутреннее помещение и, еще раз показав им, «какое тяжкое они навлекают на себя обвинение, противясь принятию присяги и какие от того могут быть бедственные для них последствия», арестовал их и приказал назначить других ротных командиров. В это время во двор казарм прибежали Николай Бестужев и Вильгельм Кюхельбекер. Сообщение о начавшемся восстании вызвало энтузиазм возбужденного экипажа. Послышались выстрелы со стороны Сенатской площади, еще более взволновавшие матросов. Раздались крики: «Ребята, это наших бьют». Братья Беляевы, Дивов и другие офицеры бросились освобождать арестованных ротных командиров. Все усилия Качалова и некоторых офицеров успокоить экипаж и привести его в повиновение были безрезультатны. Экипаж во главе с Николаем Бестужевым с развернутыми знаменами бросился к воротам и, выстроившись на улице, направился скорым шагом на площадь. Появление экипажа

---

[1]) Батальон Семеновского полка не прибыл в казармы Гвардейского Экипажа благодаря вмешательству великого князя Михаила Павловича который остановил его и направил вместе со 2-м батальоном на Сенатскую площадь.

на площади было встречено горячим приветствием собравшихся здесь революционных войск.

Вследствие неорганизованности выступления, была допущена ошибка огромной важности. Гвардейский Экипаж выступил на площадь без боевых патронов. Выстраиваясь перед присягой на дворе казарм, солдаты, не имея твердого и определенного плана выступления, вышли без патронов, с ружьями при деревянных кремнях. Только взвод, бывший при знамени, имел боевые патроны. Обстоятельство это сыграло крупную роль во время военных действий на площади.

На Гренадерский полк декабристы возлагали большие надежды. Член Северного Общества поручик Сутгоф, бывший почти на всех совещаниях перед 14 декабря, ручался за свою роту. Все же остальные роты, по расчету декабристов, несомненно, должны были последовать примеру этой роты. Командование полком решено было поручить декабристу Булатову, бывшему батальонному командиру Гренадерского полка. Во время службы в этом полку Булатов приобрел искреннюю привязанность нижних чинов и пользовался среди них самой широкой популярностью. Рылеев, представляя Булатова накануне восстания Трубецкому, заявил: «Вот полковник Булатов, который служил в Лейб-Гренадерском полку и за которым весь полк пойдет, если он покажется—его так в оном полку любят». Булатов согласился стать во главе Гренадерского полка и условился 14 декабря встретить его на Исаакиевском мосту [1]). По плану, составленному Трубецким, Гренадерский полк, расположенный на Петербургской стороне, должен был при первой возможности выступить из казарм и прямо направиться к Сенатской площади. На совещаниях некоторых из участников предлагали поручить Гренадерскому полку занятие крепости. Но это предложение вызвало возражение со стороны Трубецкого, не считавшего стратегически нужным занимать крепость и находившего, что это разделит силы, и без того небольшие. К тому же 14 декабря караулы в Петропавловской крепости занимали две роты 1-го батальона Гренадерского полка, и можно было не сомне-

---

[1]) Свое обещание Булатов не выполнил и никакого активного участия в восстании не принял.

ваться в том, что эти роты в ходе военных действий окажутся вместе со всем полком на стороне восставших. 14 декабря в казармах полка были налицо две роты 1-го батальона и весь 2-й батальон. 3-й батальон, как и во всех других полках, был расквартирован за городом, а остальные две роты 1-го батальона находились в крепости. 13 декабря у Сутгофа состоялось совещание нескольких близких Северному Обществу офицеров, на котором было решено употребить все усилия к тому, чтобы во время присяги Николаю, поднять полк и, согласно полученной инструкции, привести его на Сенатскую площадь. Утром 14 декабря, когда полк был выведен на двор и командир полка Стюрлер приступил к приведению его к присяге, была предпринята первая попытка возбудить нижних чинов. Когда солдаты были уже построены, подпоручик Кожевников, выбежав на обращенную во двор галлерею офицерского флигеля и перевесясь через решетку, закричал солдатам: «Зачем вы забываете клятву, данную Константину Павловичу? Кому присягаете? Все обман!» С криком: «Ребята! Не присягайте, обман!» Кожевников бегал по галлерее, пока не был схвачен и арестован. Товарищи его и нижние чины не решились поддержать его, и присяга окончилась в порядке. Солдаты разошлись по ротным помещениям, а офицеры отправились во дворец на торжественное молебствие. В казармах еще оставались полковой командир и несколько дежурных и случайно задержавшихся офицеров. Все было спокойно.

В это время в казармы прибыл подпоручик гвардейского генерального штаба гр. П. П. Коновницын, присланный восставшими, находившимся уже на Сенатской площади. Он сообщил Сутгофу о начавшемся восстании и просил его сделать все от него зависящее для присоединения Гренадерского полка к восставшим. Сутгоф немедленно отправился в помещение своей роты, приказал одеваться, зарядить ружья и выходить на полковой плац. Не надеясь, повидимому, на присоединение других рот, Сутгоф в спешном порядке повел свою роту по направлению к Сенатской площади. Узнав о выступлении 1-й роты, полковник Стюрлер бросился догонять ее. Однако, все его убеждения и угрозы были тщетны: солдаты решительно отказались

ему повиноваться. Стюрлеру удалось лишь задержать бежавшего из-под ареста Кожевникова. Вместе с ним он возвратился в казармы полка. Рота Сутгофа через Васильевский Остров прошла на Исаакиевский мост, а оттуда на Сенатскую площадь, где и присоединилась к Московскому полку. Вернувшемуся в казармы Стюрлеру было передано только что полученное приказание Николая I привести полк в боевую готовность, для выполнения заданий правительства. Несмотря на то, что большинство офицеров находилось еще во дворце, Стюрлер надеялся удержать оставшиеся в казармах роты в своем подчинении. Он приказал солдатам одеваться и выходить на улицу. Этим обстоятельством и воспользовался батальонный ад'ютант, член Северного Общества поручик Панов. Переходя из роты в роту, он убеждал солдат последовать примеру первой роты и присоединиться к восставшим войскам. Колебавшиеся солдаты начали строиться перед казармами. Послышался гул выстрелов. Панов начал повторять свои убеждения с новой силой. Наконец, он бросился в середину колонны и с возмутительным криком «ура!» во главе солдат, со всеми знаменами, бросился к Сенатской площади. Отряд Панова, перейдя Неву по льду, вышел на Большую Миллионную улицу и направился к Дворцовой площади. По дороге одному из ротных командиров кн. Мещерскому, догнавшему отряд, удалось удержать часть солдат, главным образом, своей роты. Несколько поредевший, благодаря этому, отряд Панова достиг Зимнего Дворца. Полагая, очевидно, что дворец занят уже восставшими войсками, Панов направился к главным воротам, в которых стоял сильный караул л.-гв. Финляндского полка. Дворцовый комендант, думая, что Панов ведет дополнительную караульную часть, пропустил отряд во двор, где находился только что прибывший по приказанию Николай л.-гв. Саперный батальон. Увидя сапер, Панов закричал: «Ребята, это не наши». Затем он скомандовал: «Кругом!» и бросился к выходу. Удобный для занятия дворца момент был таким образом упущен. Панов не решился вступить в бой с Саперным батальоном, и его нерешительность, учитывая все обстоятельства этого эпизода, психологически вполне понятна. Но как ни ясны мотивы поведения Панова, ошибка, допущенная им, чрез-

вычайно велика. Возможно, что в результате схватки с саперами и финляндцами сравнительно небольшой отряд Панова был бы разбит, но тактическое и политическое преимущество обладания дворцом было так значительно, что даже и с меньшими силами Панову безусловно следовало бы сделать попытку занять его в боевом порядке.

Выбежав из ворот, никем не удерживаемый, Панов повел свой отряд по Адмиралтейскому бульвару на Сенатскую площадь. Полковник Стюрлер, пытавшийся и здесь уговаривать солдат, был тяжело ранен Каховским.

Помимо московцев, гренадеров и матросов Гвардейского Экипажа, принявших активное участие в восстании, декабристы имели еще одного союзника—солдат Финляндского полка.

В восстании 14 декабря л.-гв. Финляндский полк принял лишь косвенное участие, выразившееся в отказе двух рот и одного взвода выступить против восставших войск. 14 декабря рано утром офицеры Финляндского полка собрались у полкового командира ген. Воропанова. Здесь были прочитаны манифест Николай I и приложенные к нему документы. Предложение ген. Воропанова принести присягу не встретило возражения со стороны собравшихся офицеров. Слабая попытка декабриста Розена вызвать замешательство выражением недоумения по поводу двух последовательных присяг Константину и Николаю окончилась неудачно, и офицеры разошлись по своим частям. После этого были приведены к присяге нижние чины первых двух батальонов (3-й был расположен за городом), за исключением стрелкового взвода 1-й карабинерной роты, не возвратившегося еще из караула в Галерной Гавани[1]). После совершения обряда присяги 2-й батальон, назначенный в обычный караул по городу, отправился занимать свои посты. В число этих постов входили Главная гауптвахта (Зимний Дворец), Петровская гауптвахта и Главное Адмиралтейство. Все караульные части прибыли на место назначения без особых недоразумений, только караул, назна-

---

[1]) Взвод этот прибыл в казармы незадолго до выступления первого батальона на площадь и был приведен к присяге лишь в ночь на 15 декабря.

ченный в Адмиралтейство, был по дороге задержан восставшими, предложившими ему примкнуть к революционным войскам. С большим трудом начальнику караула поручику Зейфорту удалось отбиться и привести караул в Адмиралтейство. Караулом на Петровской (Сенатской) площади командовал подпоручик Я. Г. Насакен. Несмотря на то, что карре московцев примыкало к караульной платформе, Насакен отказался присоединиться к восставшим, оставаясь во все время восстания вместе со своим караулом на своем посту. Официальная версия сообщает еще, что Насакен «каждые два часа разводил обыкновенную смену, которая проникала через мятежное карре к посту у дома Лобанова и возвращалась тем же путем к гауптвахте, сохраняя полный порядок». За столь «отличное исполнение своих обязанностей» Насакен был произведен в следующий чин и награжден владимирским орденом. Мы имеем, однако, вполне достоверное известие, об'ясняющее это поразительное сотрудничество правительственного караула и мятежников. Декабрист Розен в своих записках говорит: «13 декабря, в воскресенье, навестили меня несколько офицеров полка. На вопрос их, как следует поступить тому, кто в день восстания будет в карауле, ответил положительно и кратко,— что тот для общей безопасности и порядка должен держаться на занимаемом посту. Если этот случай спас и наградил офицера, занимавшего караул 14 декабря в Сенате, Якова Насакена, то я искренно тому радовался». Свою инструкцию Розен подтвердил и на площади, сообщив о ней кн. Щепину-Ростовскому и М. Бестужеву. Караул, назначенный в Зимний Дворец, после своеобразного испытания и долгих расспросов был поставлен Николаем I в главных воротах дворца. В виде подкрепления к нему, вскоре прибыл л.-гв. Саперный батальон, расположившийся на внутреннем дворе.

После отбытия 2-го батальона, в казармах полка остался лишь один батальон (первый). В виду того, что офицеры отправились на молебствие во дворец, к первому часу дня никого из них, за исключением дежурных, налицо не было. Часа в два в казармы прибыл генерал-ад'ютант граф Комаровский, получивший приказание Николая I привести батальон на площадь. За отсутствием командира полка,

Комаровский совместно с бригадным командиром генералом Головиным и несколькими офицерами повел батальон в полной походной форме и с боевыми патронами к Исаакиевскому понтонному мосту (против памятника Петру I). В своих записках А. Е. Розен сообщает, что приказание Комаровского совпало с его собственным приказанием «проворно одеться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улице» для того, чтобы «итти на помощь восставшим». Версия эта вполне соответствует показанию Розена, данному им следственной комиссии 8 января 1826 г.

3 егерская рота была оставлена в начале моста для его охранения, а остальные три роты (1 карабинерная, 1 и 2 егерские) с заряженными ружьями были введены на средину моста. Здесь их встретил принц Евгений Виртембергский, передавший приказание императора спешно прибыть на площадь. Приказание это выполнено было только карабинерным взводом первой карабинерной роты и 3 егерской ротой—остальная часть батальона (стрелковый взвод 1-й карабинерной роты, 1 и 2 егерской роты), во главе с командиром стрелкового взвода первой карабинерной роты бароном А. Е. Розеном, категорически отказалась выполнить свое боевое задание, об'явив своеобразный «нейтралитет»

А. Е. Розен в своих записках описывает этот эпизод так: «Я решился остановить взвод мой в ту минуту, когда гр. Комаровский и мой бригадный командир скомандовали всему батальону:—вперед!—взвод мой единогласно и громко повторил—стой!—так что впереди стоявший карабинерный взвод дрогнул, заколебался, тронулся не весь и только личными усилиями капитана А. С. Вяткина, не щадившего ни ругательств знаменитых, ни мощных кулаков своих, удалось подвинуть этот первый взвод. Батальонный командир наш полковник А. Н. Тулубьев исчез, быв отозван в казармы, где квартировало его семейство. Дважды возвращался ко мне бригадный командир, чтоб сдвинуть мой взвод, но напрасны были его убеждения и угрозы. Между тем я остановил не один мой стрелковый взвод, за моим взводом стояли еще три роты, 6 взводов (т.-е. 1, 2 и 3 егерские роты); но эти роты не слушались своих командиров, говоря, что впереди командир стрелков знает,

что он делает. Был уже второй час пополудни; по мере увеличения числа войск, для оцепления возмутителей, полиция стала смелее и разогнала народ с площади, много народу потянулось на Васильевский Остров вдоль боковых перил Исаакиевского моста. Люди рабочие и разночинцы, шедшие с площади, просили меня держаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно. В это время вместе с отступающим народом командиру нашей 3-й егерской роты, капитану Д. Н. Белевцову, удалось отвести свою роту назад и перейти с нею через Неву от Академии Художеств к Английской набережной, к углу Сенатской площади; остальные две роты оставались за моим взводом. Слишком два часа стоял я неподвижно, в самой мучительной внутренней борьбе, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя с половиной ротами, или восемьюстами солдат, готовых следовать за мною повсюду». Вполне достоверный рассказ Розена несколько дополняется показаниями на следствии. В показании от 8 января 1826 года Розен, сообщая, согласно предложения следственной комиссии, все известные ему подробности о «происшествии 14 декабря», между прочим говорит: «Взойдя на мост, выстроили взводы, на половине оного остановились в сомкнутых ротных колоннах, и там приказано было заряжать ружья; по заряжении сказано было: вперед—карабинерный взвод тронулся с места в большом замешательстве, а мой стрелковый взвод закричал громко три раза: стой!—Капитан Вяткин тотчас обратился к моему взводу, убеждал людей, чтобы следовали за карабинерами, но тщетно, и они продолжали кричать: стой!—Возвратился генерал-ад'ютант Комаровский и спрашивал людей: отчего они не следуют за первым взводом? на что взвод отвечал: «Мы не знаем куда и на что нас ведут, ружья заряжены, сохрани бог убить своего брата, мы присягали государю Константину Павловичу, при присяге и у обедни целовали крест»[1]). Его высокопревосходительство приказал им раздаться в середине и под'ехал к позади стоящей второй ротной колонне, которой часть было двинулась, но остановилась, и мой взвод опять кричал: стой! Генерал-ад'ютант Комаровский уехал, взвод стоял

[1]) Это «законное» основание для Финляндского полка имело особое значение: шефом полка был великий князь Константин Павлович.

смирно, и спустя несколько времени хотели итти вперед унтер-офицеры Кухтиков и Степанов и 4 человека с правого фланга; взвод опять кричал: стой! Я побежал к этим людям, возвратил их на свои места, угрожая заколоть шпагой того, кто тронется с места».

В таком положении финляндцы находились до окончательного разгрома революционных войск, после чего соединились с остальными частями батальона. Барон Розен был арестован на следующий же день. Розен, меньше всего похожий на активного революционера, впоследствии оправдывал свою нерешительность соображениями человеколюбия: он не желал «напрасно жертвовать людьми», не веря в успех восстания. Необходимо заметить, что еще на совещаниях 10—13 декабря Розен категорически отказывался содействовать в привлечении финляндцев. На вопрос Рылеева о возможности положиться на Финляндский полк, он «представил ему все препятствия, затруднения, почти невозможность». Рассказывая об этом в своих записках, Розен не скрывает, что день 14 декабря не оправдал его скептических предположений и показал полную готовность солдат «следовать за ним повсюду». Таким образом нерешительность Розена или, точнее, отсутствие революционных качеств в нем лишило декабристов поддержки финляндцев.

Московцы выступили из своих казарм приблизительно в 11 часов и прибыли на Сенатскую площадь в исходе 12-го часа. На площади московцы расположились около памятника Петру I. Не решаясь непосредственно предпринять активные боевые действия, восставшие, построившись в карре [1]), заняли выжидательную позицию. Николай I, обеспокоенный уже известием о волнении в Конной Артиллерии, немедленно по получении донесения ген. Нейдгарда о выступлении Московского полка, приказал спешно вести ко дворцу 1-й батальон Преображенского полка. Л.-гв. Конному полку было приказано седлать лошадей и ждать дальнейших распоряжений. Через некоторое время Нико-

---

[1]) Боевой четырехугольник. При современной декабристам военной технике являлся наилучшим полевым оборонительным построением—это была своего рода живая крепость.

лай приказал вызвать Кавалергардский полк. Отдав эти предварительные приказания, Николай повел бывшую во дворце в карауле 9 стрелковую роту Финляндского полка к главным воротам дворца. К этому времени на площади перед дворцом собралась большая толпа народа; вызванные Николаем войска еще не приходили. Николай вышел на площадь и обратился к народу с речью. «Надо было мне выиграть время,—рассказывает Николай в своих записках,—дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем необыкновенным: эти мысли пришли мне как бы вдохновение, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифест; все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать, у кого-то в толпе нашелся экземпляр, я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово, но сердце замирало, признаюсь, и единый бог меня поддержал». Пока Николай «отвлекал» внимание народа, подошел 1-й батальон Преображенского полка. Батальон отдал Николаю честь и на вопрос его: «готовы ли итти за мной, куда велю?» дал удовлетворительный ответ. Николай тотчас же выстроил батальон в колонну к атаке и повел его к углу Адмиралтейского бульвара. По дороге Николай приказал зарядить ружья. К батальону присоединилось несколько генералов и офицеров из свиты Николая. Одного из своих ад'ютантов Николай послал за Конным полком. В это время было получено известие о ранении гр. Милорадовича. Доведя батальон до площади (со стороны Вознесенской улицы), Николай застал на ней одних московцев, выделивших 1 стрелковую цепь, которая никого не пропускала к восставшим. Никаких других, ни революционных, ни правительственных войск на Сенатской площади еще не было. Первым прибыл Конный полк. Полк был поставлен против восставших, в эскадронных колоннах, правым флангом к памятнику Петру I, а левым к забору строившегося тогда Исаакиевского собора [1]). Первая рота Преображенского пол-

[1]) Забор, окружавший постройку, достигал здания Синода. Кроме того, на площади, на углу бульвара и набережной, было сложено огромное количество камней и других строительных материалов. Все это чрезвычайно сужало свободное пространство площади.

ка заняла всходы Исаакиевского моста, имея задания отрезать сообщение с Васильевским Островом и прикрывая, в то же время, правый фланг Конного полка. Всеми операциями руководил сам Николай I, сделавший даже попытку приблизиться к восставшим и лично рассмотреть их расположение. Он был встречен беглым ружейным огнем. Учитывая серьезность создавшегося положения, Николай приказал вызвать все войска, находившиеся в Петербурге и его окрестностях. Плацдармом правительственных войск была назначена Адмиралтейская площадь, смежная с Сенатской. Пока Николай отдавал все эти приказания, прибыли остальная часть Московского полка, оставшаяся верной Николаю I во главе с в. кн. Михаилом Павловичем, Кавалергардский полк, 2-й батальон Преображенского полка и часть (около батальона) Павловского полка. Строго выполняя выработанный им план окружения восставших частей железным кольцом, Николай пристроил 1 и 2 преображенские батальоны к Конному полку и поставил московцев около забора, вблизи Конного полка. Кавалергарды были оставлены в виде резерва у дома Лобанова. Прибывшая вскоре артиллерия была поставлена в колонне около Преображенского полка, со стороны Адмиралтейского бульвара. Таким образом, был создан сплошной фронт от Невы до Исаакиевского собора. На противоположную сторону были посланы только что прибывший Семеновский полк и часть Павловского полка. Семеновский полк был поставлен в батальонной колонне у конно-гвардейского манежа, а павловцы с одним взводом Конно-пионерного эскадрона на Галерной улице. Командовать этой частью правительственных войск было поручено в. кн. Михаилу Павловичу. На Английской набережной около Исаакиевского моста были поставлены три взвода Конно-пионерного эскадрона под командой подполковника Бартоломея. Для охраны дворца Николай послал два саперных батальона—Гвардейский и Учебный. Несколько позже на площадь прибыли л.-гв. Измайловский и Егерский полки. Хотя в Измайловском полку во время присяги и обнаружился «беспорядок и нерешительность к присяге», Николай, желая вполне обеспечить свой тыл, велел генерал-ад'ютанту Левашову ехать в полк, причем дал ему следующую инструкцию: «Буде есть какая-либо

возможность двинуть его хотя бы против меня, непременно вывести его из казарм». Маневр этот вполне удался Николаю—измайловцы, явившись на площадь, отдали Николаю честь, не обнаружив накаких признаков волнения. Николай приказал им зарядить ружья и послал их к дому Лобанова, где они оставались во все время военных действий в виде резерва. Прибывший вслед за измайловцами, л.-гв. Егерский полк был оставлен на Адмиралтейской площади против Гороховой улицы за пешей артиллерийской бригадой. В резерве был оставлен также л.-гв. Казачий полк, расположившийся на Дворцовой площади.

Кроме войск, находившихся в Петербурге, Николай вызвал квартировавшие в окрестностях города 3-и батальоны гвардейских пехотных полков и л.-гв. Уланский, Драгунский и Гусарский полки. Все эти части, кроме л.-гв. Драгунского полка остановлены были в недалеком от города расстоянии в виду неожиданно скорой ликвидации восстания. Драгунский полк был введен в город уже после разгрома восставших войск для раз'ездов. Но, не считая даже этих загородных частей, войска, бывшие в распоряжении Николая, представляли собой весьма значительную боевую силу. Численность правительственных войск превышала численность восставших более чем в 4 раза. При этом у Николая было огромное преимущество—на его стороне была вся кавалерия и артиллерия.

Московцы, во главе с Щепиным-Ростовским, Якубовичем, братьями Александром и Михаилом Бестужевыми, прибыв на Сенатскую площадь, не нашли здесь ни революционных, ни правительственных войск. Обстоятельство это было для них полной неожиданностью, так как еще в казармах восставшие получили известие, что другие полки уже находятся на Сенатской площади. Не зная, что предпринять, не решаясь до прибытия Трубецкого начать самостоятельно активные боевые действия против правительства, декабристы сразу заняли оборонительное положение, построив московцев в карре. Этот шаг и был основной ошибкой, допущенной декабристами в день 14 декабря. Вместо того, чтобы итти во дворец и врасплох захватить Николая, восставшие, следуя выработанному накануне плану, остались на площади в ожидании прибытия других революционных войск. Удоб-

ный момент для завершения переворота был таким образом упущен. Гвардейские штабс-капитаны не сумели взять боевую инициативу в свои руки. Быть может, они и не могли, взяв инициативу, взять на себя и всю ответственность за совершение переворота. В этом, несомненно, сказалось социальное происхождение начальников-московцев—ни Бестужевы, ни Щепин-Ростовский, ни Якубович не порвали окончательно и кровно со своим классом, с Зимним Дворцом и находившимся в нем царем. И хотя в ходе дальнейшего развития восстания, декабристы под влиянием обстановки с каждой минутой все более и более революционизировались, этот глубокий классовый, задерживающий психологический гнет не рассеялся до самой ликвидации восстания.

Московцы были выстроены в карре. В распоряжении восставших было всего около четырех рот—почти в полном составе 3 фузилерная рота М. Бестужева, 6 фузилерная рота кн. Щепина-Ростовского и частично рядовые нескольких других рот (главным образом, 2-й и 5-й рот). 3-я рота с частью рядовых других рот заняла фасы (стороны четырехугольника), обращенные к Сенату и памятнику Петру I, 6-я рота с остальными солдатами других рот составляла фасы, обращенные к Исаакиевскому собору и Адмиралтейству. К офицерам, прибывшим вместе с московцами, вскоре присоединились декабристы, Каховский, Оболенский и другие. При этом Оболенский, хорошо известный солдатам по должности ад'ютанта, командующего гвардейской пехотой, в ожидании Трубецкого, фактически занял положение главного начальника восставших войск. На приход Трубецкого долго не теряли надежды. Рылеев искал его по всему городу, но нигде не мог найти. Впоследствии выяснилось, что Трубецкой, узнав о выступлении Московского полка и сомневаясь в возможности удачного исхода восстания, отправился или, как он сам говорил, «насилу доплелся» до канцелярии дежурного генерала, где и оставался до ликвидации восстания. Из канцелярии Трубецкой несколько раз выходил на площадь узнавать о ходе восстания, но так и не решился принять в нем активное участие. Отсутствие «диктатора» оказало весьма отрицательное влияние на настроение восставших и тем

самым внесло некоторое расстройство в их ряды. Почти с самого начала восстанием руководил Оболенский, но это было лишь фактическое, не всеми признаваемое, положение вещей. Поэтому на площади, до официального избрания Оболенского на место Трубецкого, несомненно, ощущалось некоторое «безначалие и неустройство».

Вскоре по прибытии московцев на площадь, еще до прихода других войск, к карре под'ехал граф Милорадович. Приблизившись к восставшим, Милорадович пытался вступить в переговоры с ними, но в это время подбежал к нему Оболенский и, угрожая ему ружьем, приказал немедленно отойти. Милорадович, однако, не оставлял карре, и Оболенский ранил его штыком. Одновременно раздалось несколько выстрелов—стреляли солдаты и Каховский. Одним из выстрелов (вероятно, Каховского) Милорадович был смертельно ранен. Восставшие стреляли затем по командующему гвардейским корпусом генералу Воинову, который также сделал попытку приблизиться к карре, жестоко избили флигель-ад'ютанта Бибикова и ранили одного свитского офицера. Бибиков избежал смерти благодаря тому, что был женат на сестре декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. Между тем, вскоре после ранения Милорадовича, на площади появились первые части, оставшиеся в подчинении правительству. Началось систематическое окружение восставших. Количество николаевских войск непрерывно увеличивалось. Вся Адмиралтейская площадь и прилегающие к Сенатской площади улицы были запружены гвардейскими полками. Положение, таким образом, резко изменилось. Имея в начале восстания совершенно свободное поле действия и не воспользовавшись исключительно благоприятными обстоятельствами (отсутствие противника, беззащитность дворца), восставшие очутились теперь в железном кольце, все более и более суживавшемся. Присоединение Гвардейского Экипажа и нескольких рот л.-гв. Гренадерского полка (сначала роты Сутгофа, затем отряда Панова, всего же немногим более батальона), хотя и увеличило численность восставших примерно в три раза, но в общем не меняло создавшегося положения. Как мы уже знаем, на каждого революционного солдата приходилось четыре правительственных. Мы знаем также, что вся кавале-

рия и артиллерия была полностью в распоряжении Николая.

Численностью правительственные войска совершенно подавляли восставших. Но у революционеров был мощный союзник, союзник, которого Николай боялся больше даже, чем карре на Сенатской площади. Этим союзником был народ или, точнее, рабочие, приказчики, писцы, мелкие лавочники и просто «никаких способов к пропитанию неимущие». Народные массы стекались со всего Петербурга на Сенатскую площадь и здесь открыто заявляли себя на стороне восставших, толпились около них, сбирались на крыши находившихся вблизи зданий и занимали заборы вокруг строившегося собора. Особенно активные вооружались, чем могли. Грабе-Горский в своей оправдательной записке рассказывал, как к восставшим «со всех сторон бежал народ с поленьями и дручьями в руках». И это единственное доступное «оружие» пускали в ход при всяком удобном случае. Приближалась ли кавалерия, под'езжал ли близко какой-нибудь генерал—тотчас же сыпался целый град камней и поленьев. Особенно охотно расправлялись с полицейскими, пытавшимися «успокаивать» народ, но не упускали случая избить до полусмерти и обыкновенного офицера, если только он не выражал сочувствия восставшим. Не пощадили и самого «помазанника божия»—едва Николай со своей свитою показался на открытом месте, рабочие Исаакиевского собора стали бросать в него поленья. Возбужденное состояние народа становилось все более и более угрожающим. Организованное военное восстание неуклонно превращалось в стихийную массовую революцию.

Как же отнеслись декабристы к появлению столь сильного и верного союзника? Факты показывают, что декабристы всячески поддерживали благоприятное для них настроение народных масс. На площади среди народа декабристы вели агитацию, раз'ясняли цель восстания и т. д. При каждой попытке николаевских войск и полиции оттеснить народ от восставших, декабристы неизменно выступали ему на помощь. Так, например, когда кавалерия начинала разгонять толпу народа, собравшуюся вокруг карре, декабристы приказывали солдатам стрелять. Еще на пути к Сенатской площади солдаты, по приказанию Щепина-Ростовского

солдаты избили прикладами полицейского офицера за то, что он отгонял народ от московцев. Таким образом, декабристы, находя в народе опору своему делу, всеми силами старались ее сохранить. Однако, дальше этого декабристы не пошли. Они не привлекли народ к активному революционному сотрудничеству, они не организовали народные массы, стекавшиеся к ним на площадь. Твердо придерживаясь принципа военного восстания, декабристы не считали нужным и целесообразным превратить его в народную революцию. Для народа, но не через народ—таков был лозунг 14 декабря.

Николай I не преминул воспользоваться этим лозунгом. Прежде чем он приступил к решительным военным действиям против восставших, он позаботился об устранении народа. Возбужденное состояние народных масс с каждой минутой прогрессировало, но, не находя никаких организационных форм, оно не могло реализироваться в стратегически непреодолимую силу. Применяя метод разрознения сил, совокупными усилиями полиции и войск удалось вытеснить народ за боевое кольцо, окружавшее восставших. Вооруженная помощь, оказанная декабристами, не трогавшимися, однако, с места и не переходившими в наступление, в конечном счете не могла служить серьезным препятствием для этого. Нужно сказать, что декабристы отнеслись к устранению народа без особенного сожаления. Им было совершенно достаточно того, что народ оказался на их стороне. Это давало им нравственную поддержку, а ничего большего они и не хотели. В начале восстания народу отводилась роль «сочувствующего» зрителя, а не активного участника.

Но если декабристы не рассчитывали на помощь народа, то в чем же состоял их конкретный план действия на площади? На кого рассчитывали декабристы, находившиеся в николаевском окружении, численностью превышавшем восставших более чем в 4 раза? Как это ни странно на первый взгляд, восставшие рассчитывали исключительно на своего противника. Мы знаем, что, придя на площадь и упустив удобный момент для начала боевых операций, восставшие заняли оборонительную позицию. Вначале это было огромной тактической ошибкой, но затем, когда вос-

ставшие очутились к кольце правительственных войск, никакой другой позиции они занять уж не могли. Но, допустив в самом начале восстания столь существенную ошибку, декабристы не думали, что все потеряно. Они видели, как солдаты полков, находившихся на стороне Николая, неуклонно революционизировались, как возбужденное состояние восставших все более и более передавалось противнику. Пассивное состояние николаевских войск декабристы об'ясняли невозможностью двинуть гвардию на восставших. Слабые кавалерийские атаки вполне оправдывали это соображение: декабристы видели явное нежелание солдат действовать против них. Декабристы имели и прямые доказательства благоприятного для них настроения правительственных войск—им беспрерывно передавали через народ и через нестроевых чинов различных полков уверения в сочувствии их делу и настоятельное предложение продержаться до сумерек (в Петербурге в декабре темнеет в 3—4 часа), когда все полки перейдут на сторону восставших. Декабрист М. Бестужев в своих воспоминаниях говорит, что восставшие особенно рассчитывали на присоединение измайловцев, ожидавших «с минуты на минуту удобного случая, чтобы соединиться» с ними, на преображенцев и конно-гвардейцев, которые «через народ, окружающий карре», сообщили о своем намерении выступить против Николая. Все это подсказывало определенный план дальнейшего развития восстания. Восставшие решили, твердо сохраняя свое оборонительное положение (живая крепость), ждать наступления сумерек, после чего, при поддержке достаточно к тому времени революционизировавшихся правительственных войск, перейти в наступление. Но ожидание сумерек не должно было быть пассивным. Все это необходимо было употребить на подготовку почвы для успешного завершения восстания. Все свои силы декабристы бросили на агитацию. Поддерживая и укрепляя при помощи агитации революционный дух своих войск, декабристы особенное внимание обратили на агитацию среди войск, оставшихся верными Николаю I. Для этого декабристы пользовались всяким удобным случаем: высылали нижних чинов и наиболее подходящих для этой цели людей из окружавшей карре толпы народа, сами выступали перед

приближавшимися к карре николаевскими частями и т. д. По словам придворного историка к поставленной у Исаакиевского моста роте Преображенского полка из карре несколько раз высылали нижних чинов для переговоров. С большим трудом фельдфебель и некоторые из унтер-офицеров «отгоняли этих людей или удаляли посредством убеждения». Но особенно действительной была агитация, производимая по собственному почину народом, обступавшим правительственные войска. Народ требовал от солдат немедленного присоединения к восставшим.

Подготовляя почву для решительного наступления, декабристы в то же время приводили в боевую готовность свои части и в чисто военном отношении. Они производили необходимые перестроения, обсуждали план атаки, оформили фактическое положение Оболенского избранием его главным начальником на место Трубецкого. Технически эта организационная работа проводилась, однако, недостаточно удовлетворительно. События развивались слишком быстрым темпом, и это вносило некоторую сумятицу и беспорядок в подготовку наступления. Картечь застала декабристов неподготовленными окончательно к наступлению. Николай I сумел предупредить декабристов.

На разгром восставших при помощи артиллерии Николай I решился не сразу. Он несколько раз пытался вступить с ними в переговоры. Но ни в. кн. Михаил Павлович, ни митрополит Серафим, ни царские генералы и ад'ютанты не могли добиться желаемого результата. Пробовал Николай разогнать карре атаками кавалерии, однако, и это оказалось бесполезным. Восставшие без особого напряжения отражали натиск кавалерии, не проявлявшей, впрочем, никакой враждебности по отношению к ним и неохотно, видимо, выполнявшей задание начальства. Между тем, положение на площади принимало угрожающий характер. Восставшие явно готовились к наступлению. В рядах правительственных войск началось тревожное колебание. Толпы народа с наступлением сумерек становились все более и более активными, стремясь проникнуть сквозь цепь правительственных войск на Сенатскую площадь. Угрожающий гул голосов становился все громче и громче. Вот-вот должен был наступить час последней расплаты народа со своими пала-

чами. Царских генералов охватил ужас. Они требовали от растерявшегося Николая приказания стрелять по восставшим картечью. Генерал-ад'ютант Васильчиков категорически заявил Николаю: нельзя терять ни одной минуты, необходимо пустить в ход картечь. Окончательно струсивший Николай приказал стрелять.

Первый выстрел со стороны Адмиралтейского бульвара ударил в здание Сената. Восставшие ответили на него неистовым криком и беглым огнем. Следующие выстрелы быстро следовали один за другим, сразу с двух сторон — со стороны бульвара и со стороны конно-гвардейского манежа. Выстрелы, осыпавшие картечью карре и производившие в рядах страшное опустошение, предупредили атаку восставших. Часть бросилась на Семеновский полк, но была встречена огнем стоявшего здесь орудия. Другая часть, главным образом, матросы Гвардейского Экипажа, которых декабристы тщетно пытались остановить и направить на правительственные части, преследуемая картечью в беспорядке бежала вдоль Галерной улицы. Часть московцев во главе с Михаилом Бестужевым, смяв атаковавший их Конно-пионерный эскадрон, бросилась на Неву. Здесь Бестужев начал строить московцев для наступления на крепость, но ядра противника проломали лед, и московцам пришлось отступить на противоположный берег. Кавалерия, брошенная во все стороны, преследовала восставших, обезоруживая разрозненные группы солдат. Немедленно же были приняты меры к разысканию и аресту заговорщиков. Весь прилегающий к Сенатской площади район был оцеплен правительственными войсками. Отдельные команды врывались в дома и захватывали укрывшихся в них офицеров и солдат. Кое-где было оказано сопротивление, но оно быстро преодолевалось противником. К вечеру восстание было окончательно ликвидировано. Николай праздновал победу...

Всю ночь во дворец свозили пойманных заговорщиков. Спешно снимали первые допросы. Начиналась расправа с «безумцами», желавшими «испровергнуть престол». Но, разгромив восставших, Николай не забывал «людей из черни». Боясь вставшего в этот день во весь свой рост грозного призрака пугачевщины, Николай принял все меры к пре-

дупреждению новой стихийной вспышки народного возмущения. В ночь на 15 декабря Петербург представлял собою настоящий военный лагерь. Часть войск под командой генерал-ад'ютанта Васильчикова была оставлена на Сенатской площади. Отряд кавалерии и артиллерии под командой генерал-адъютанта Бенкендорфа занял Васильевский Остров. Большая группа войск была сосредоточена у Зимнего Дворца, который был превращен Николаем в неприступную крепость. В своих записках Николай так описывает расположение войск вокруг дворца: «У Гороховой, в виде авангарда, оставил на Адмиралтейской площади 2 батальона л.-г. Егерского полка и за ним 4 эскадрона Кавалергардского полка. Остальной батальон (1-й) л.-г. Егерского полка держал пикеты у Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм 1-о батальона Преображенского полка и на Большой набережной у театра (Эрмитажа). К сим постам придано было по 2 пеших оружия (артиллерийских орудий). Батарея в 8 орудий поставлена была у Эрмитажного с'езда на Неву, а другая в 4 орудия против угла Зимнего Дворца на Неву. Первый батальон Измайловского полка стоял на набережной у Парадного под'езда, 2 эскадрона кавалергардов левее против угла дворца. Преображенский полк—и при нем 4 орудия роты его величества—стоял на Дворцовой площади спиной ко дворцу у главных ворот; в резерве и на дворе оставались оба саперных батальона и рота—1 гренадерская л.-г. Гренадерского полка». Кроме того, большие караулы были поставлены в арсенале и у различных правительственных зданий, а л.-гв. Казачий и Драгунский полки были наряжены в раз'езды по городу. Беспокойство и тревожное ожидание выступления «черни» не покидало Николая всю ночь. Ему беспрерывно доносили «о положении» завоеванного города. Не довольствуясь официальными рапортами, Николай поручил в. кн. Михаилу Павловичу «с'ездить к арсеналу, чтобы лично удостовериться, все ли там тихо». Эту злополучную ночь даже царственные дети провели «в двух комнатах, как бы на биваках». По словам чиновника пресловутого III отделения М. М. Попова «дня два или три после этого, патрули продолжались день и ночь, не давая собираться толпам и не пропуская людей сомнительных. Во дворце же недели

две были в опасениях. Каждую ночь, как только засыпал город, безмолвно шли по Миллионной несколько рот преображенцев и везли пушки. Преображенцы помещались во дворе, а пушки ставили в воротах дворца. Утром, перед тем, как просыпаться городу, преображенцы и пушки с той же тишиною удалялись из дворца».

Все опасения Николая оказались напрасными. Неорганизованные народные массы глухо волновались, но на открытое выступление не решились. Ночь и следующий день прошли спокойно. Жизнь столицы постепенно входила в прежнюю колею.

Восстание 14 декабря, поднятое Северным Обществом в Петербурге, не было единичным явлением. В конце декабря 1825 г. в Киевской губ. выступил Черниговский полк, во главе с декабристом Сергеем Муравьевым-Апостолом. Заняв город Васильков, восставший полк направился в деревню Мотовиловку, а оттуда в Белую Церковь, для соединения с 17-м егерским полком. 3 января близ деревни Королевки черниговцы были разбиты правительственным отрядом кавалерии и артиллерии. Кроме того, небольшим революционным кружком «Обществом Военных Друзей» была сделана неудачная попытка поднять восстание в войсках Литовского корпуса. Присяга Николаю вызвала волнения и в других армейских частях. Солдаты с трудом удерживались в повиновении, и, лишь благодаря отсутствию организации и революционного руководства, дело не доходило до открытого возмущения.

Волнение в армии перекинулось в деревню, охватив широкие крестьянские массы. Повсюду начали распространяться упорные слухи о предстоящем освобождении крестьян, связанные с именем Константина. Появились самозванные «эмиссары» Константина Павловича, заявлявшие крестьянам, что цесаревич, верный защитник народа, насильно лишен престола помещиками, что он временно скрылся, но готов выступить за крестьянскую волю. В отдельных местностях вспыхивали крестьянские бунты, наводившие ужас на окрестное дворянство. Правительство приняло исключительные меры к подавлению возникавшего крестьянского движения. 12 мая 1826 года был издан манифест, в котором об'являлось, что слухи об освобождении кре-

стьян «суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамеренными людьми»; всем губернским властям предписывалось «иметь неослабное наблюдение» за крестьянами, поступая с участниками беспорядков и «разглашателями подобных слухов или толков» по всей строгости законов. Общими усилиями правительства и дворянства движению не дали разрастись, и оно медленно пошло на убыль.

Следствие по делу декабристов продолжалось около полугода. 17 декабря в Петербурге был учрежден следственный комитет «для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества», под председательствованием военного министра А. И. Татищева. В этом комитете или, как он впоследствии назывался, комиссии было сосредоточено все основное делопроизводство по расследованию заговора. Работой комитета фактически руководил сам Николай I, принимавший ближайшее и непосредственное участие во всех «изысканиях» следователей. Кроме этого центрального следственного учреждения, были созданы особые военно-судные комиссии, находившиеся в ведении аудиториатского департамента. Следствие над нижними чинами—участниками восстания 14 декабря—вели полковые комиссии в Петербурге. Военно-судная комиссия, учрежденная при главной квартире 1-й армии в Могилеве на Днепре, вела следствие над несколькими офицерами, участвовавшими в восстании Черниговского полка (Сухинов, Соловьев и др.). Над солдатами-черниговцами следствие вела военно-судная комиссия в Белой Церкви. Собранные военно-судными комиссиями следственные материалы поступили в аудиториатский департамент. Согласно утвержденному Николаем приговору, значительная часть нижних чинов была подвергнута тяжелым телесным наказаниям, многие из них были сосланы в Сибирь. Большинство же нижних чинов Московского, Гренадерского и Черниговского полков, принимавших участие в восстании, были отправлены на Кавказ.

Еще более суров был приговор Николая I над офицерами-заговорщиками. Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский были повешены. Свыше 80 человек было сослано в каторжную работу в Сибирь. Остальные были заключены

на разные сроки в крепость, сосланы в Сибирь на поселение, разжалованы в рядовые и т. д.

На каторге—сначала в Чите, а с 1830 г. в Петровском заводе, декабристы пробыли до конца 30 гг. Отбыв наказание, заключенные были расселены в различных местностях Сибири. Только в 1856 г. деятели декабрьского движения были амнистированы Александром II и получили возможность возвратиться на родину. Запоздалая амнистия немногих уже застала в живых—тюремная жизнь, непривычный климат и суровые условия ссылки безвременно унесли в могилу большую часть осужденных декабристов. Не дождались амнистии и многие из тех декабристов, которым была оказана «милость» в виде замены ссылки назначением в боевые части на Кавказ—здесь их встретила гибель в сражениях и дальних экспедициях.

Так расправился Николай I с первыми русскими революционерами, поднявшими знамя восстания против самодержавия. Восстание декабристов окончилось неудачно, но дело декабристов, жертвы, принесенные ими, не пропали бесследно. Красное знамя революции, обагренное кровью многих поколений, передавалось из рук в руки. В 1917 году оно было прочно водружено над Петропавловской кре- крепостью, где сто лет тому назад томились наши предшественники.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ДЕКАБРИСТОВ, ОСУЖДЕННЫХ ВЕРХОВНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

СПИСОК ДЕКАБРИСТОВ, ОСУЖДЕННЫХ ВЕРХОВНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

I. Приговорены к смертной казни через повешение:

1. П. И. Пестель, полковник, член Южного Общества.
2. К. Ф. Рылеев, отставной подпоручик, член Северного Общества.
3. С. И. Муравьев-Апостол, подполковник, член Южного Общества.
4. М. П. Бестужев-Рюмин, подпоручик, член Южного Общества.
5. П. Г. Каховский, отставной поручик, член Северного Общества.

II. Приговорены к ссылке в каторжную работу без срока:

1. С. П. Трубецкой, кн., полковник, член Сев. О-ва.
2. Е. П. Оболенский, кн., поручик, член Сев. О-ва.
3. П. И. Борисов, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
4. А. И. Борисов, отст. подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
5. И. И. Горбачевский, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
6. М. М. Спиридов, майор, член О-ва Соединенных Славян.
7. А. И. Барятинский, кн., штабс-ротмистр, член Южн. О-ва.
8. А. И. Якубович, капитан, член Сев. О-ва.
9. А. В. Поджио, отст. подполковник, член Южн. О-ва.
10. А. З. Муравьев, полковник, член Южн. О-ва.
11. Ф. Ф. Вадковский, прапорщик, член Южн. О-ва.

12. В. А. Бечаснов, прапорщик, член О-ва Соединенных Славян.
13. В. Л. Давыдов, отст. полковник, член Южн. О-ва.
14. А. П. Юшневский, 4-го класса ген.-интендант, член Южн. О-ва.
15. Я. М. Андреевич, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
16. И. И. Пущин, коллежский асессор, член Сев. О-ва.
17. А. С. Пестов, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
18. А. П. Арбузов, лейтенант, член Сев. О-ва.
19. Д. И. Завалишин, лейтенант, член Сев. О-ва.
20. И. С. Повало-Швейковский, полковник, член Южн. Общества.
21. Н. А. Панов, поручик, член Сев. О-ва.
22. А. Н. Сутгоф, поручик, член Сев. О-ва.
23. Д. А. Щепин-Ростовский, кн., штабс-капитан, участник восстания 14 декабря.
24. В. А. Дивов, мичман, участник восстания 14 декабря.
25. Н. И. Тургенев, действ. статский советник, член Сев. О-ва [1]).
26. Н. А. Бестужев, капитан-лейтенант, член Сев. О-ва.
27. М. А. Бестужев, штабс-капитан, член Сев. О-ва.

III. Приговорены к ссылке в каторжную работу на 20 лет:

1. М. И. Муравьев-Апостол, отст. подполковник, член Южн. О-ва.
2. В. К. Кюхельбекер, коллежский асессор, член Сев. Общества.
3. А. А. Бестужев, штабс-капитан, член Сев. О-ва.
4. Н. М. Муравьев, капитан, член Сев. О-ва.
5. С. Г. Волконский, кн., генерал-майор, член Южн. Общества.
6. И. Д. Якушкин, отст. капитан, член Союза Спасения и Союза Благоденствия.
7. А И. Тютчев, капитан, член О-ва Соединенных Славян.

---

[1]) Наказание не отбывал, так как эмигрировал за границу.

8. П. Ф. Громницкий, поручик, член О-ва Соединенных Славян.
9. И. В. Киреев, прапорщик, член О-ва Соединенных Славян.
10. Н. А. Крюков, поручик, член Южн. О-ва.
11. М. С. Лунин, подполковник, член Союза Спасения и Союза Благоденствия.
12. П. Н. Свистунов, корнет, член Сев. О-ва.
13. А. А. Крюков, поручик, член. Южн. О-ва.
14. Н. В. Басаргин, поручик, член Южн. О-ва.
15. М. Ф. Митьков, полковник, член Сев. О-ва.
16. И. А. Анненков, поручик, член Сев. О-ва.
17. Ф. Б. Вольф, штаб-лекарь, член Южн. О-ва.
18. В. П. Ивашев, ротмистр, член Южн. О-ва.
19. А. Ф. Фролов, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
20. К. П. Торсон, капитан-лейтенант, член Сев. О-ва.
21. В. И. Штейнгель, барон, отст. подполковник, член Сев. О-ва.
22. Г. С. Батенков, подполковник, член. Сев. О-ва.

IV. Приговорен к ссылке в каторжную работу на 15 лет

1. В. С. Норов, подполковник, член Южн. О-ва.

V. Приговорены к ссылке в каторжную работу на 12 лет:

1. П. А. Муханов, штабс-капитан.
2. М. А. Фон-Визин, отст. генерал-майор, член Сев. Общества.
3. О. В. Поджио, отст. штаб-капитан, член Южн. О-ва.
4. П. И. Фаленберг, подполковник, член Южн. О-ва.
5. И. И. Иванов, чиновник 10-го класса, член О-ва Соединенных Славян.
6. П. Д. Мозган, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
7. А. О. Корнилович, штабс-капитан.
8. Н. И. Лорер, майор, член Южн. О-ва.
9. П. В. Аврамов, полковник, член Южн. О-ва.
10. П. С. Бобрищев-Пушкин, поручик, член Южн. О-ва.
11. И. Ф. Шимков, прапорщик, член О-ва Соединенных Славян.

12. А. М. Муравьев, корнет, член Сев. О-ва.
13. А. П. Беляев, мичман, участник восстания 14 декабря.
14. П. П. Беляев, мичман, участник восстания 14 декабря.
15. М. М. Нарышкин, полковник, член Сев. О-ва.
16. А. И. Одоевский, кн., корнет, член Сев. О-ва.

VI. Приговорены к ссылке в каторжную работу на 10 лет:

1. М. Н. Глебов, коллежский секретарь, участник восстания 14 декабря.
2. А. Е. Розен, барон, поручик, член Сев. О-ва.
3. М. А. Бодиско, мичман, участник восстания 14 декабря (в крепостную работу).

VII. Приговорены к ссылке в каторжную работу на 8 лет:

1. Н. П. Репин, штабс-капитан, член Сев. О-ва.
2. М. К. Кюхельбекер, лейтенант, участник восстания 14 декабря.

VIII. Приговорен к ссылке в каторжную работу на 5 лет:

1. Ю. К. Люблинский, дворянин, член О-ва Соединенных Славян.

IX. Приговорены к ссылке в каторжную работу на 2 года

1. В. Н. Лихарев, подпоручик, член Южн. О-ва.
2. А. В. Ентальцев, полковник, член Южн. О-ва.
3. Н. Ф. Лисовский, поручик, член О-ва Соединенных Славян.
4. В. К. Тизенгаузен, полковник, член Южн. О-ва.
5. С. И. Кривцов, подпоручик, член Сев. О-ва.
6. В. С. Толстой, прапорщик, член. Сев. О-ва.
7. З. Г. Чернышев, граф, ротмистр, член Сев. О-ва.
8. И. Б. Аврамов, поручик, член Южн. О-ва.
9. Н. А. Загорецкий, поручик, член Южн. О-ва.
10. И. Ю. Поливанов, отст. полковник.
11. А. И. Черкасов, барон, поручик, член Южн. О-ва.
12. Н. Я. Булгари, граф, поручик (в крепостную работу).

13. П. Ф. Выгодовский, канцелярист, член О-ва Соединенных Славян.
14. А. К. Берстель, подполковник (в крепостную работу).
15. А. Ф. Фон-дер-Бриген, отст. полковник, член Сев. Общества.

X. Приговорены к лишению чинов и дворянства и ссылке на поселение:

1. А. Н. Андреев, подпоручик, член Сев. О-ва.
2. А. В. Веденяпин, подпоручик, член О-ва Соед. Сл.
3. С. Г. Краснокутский, действительн. статский советник, член Сев. О-ва.
4. Н. А. Чижов, лейтенант, член Сев. О-ва.
5. В. М. Голицын, кн., камер-юнкер, член Сев. О-ва.
6. М. А. Назимов, штабс-капитан.
7. Н. С. Бобрищев-Пушкин, поручик.
8. Н. Г. Заикин, подпоручик.
9. А. Ф. Фурман, капитан.
10. Ф. П. Шаховской, кн., майор, член Союза Спасения и Союза Благоденствия.
11. И. Ф. Фохт, штабс-капитан, член Южн. О-ва.
12. Н. О. Мозгалевский, подпоручик, член О-ва Соединенных Славян.
13. А. И. Шихарев, поручик, член О-ва Соед. Славян.
14. В. И. Враницкий, полковник, член Южн. О-ва.

XI. Приговорены к лишению чинов и дворянства и отдаче в солдаты:

1. Б. А. Бодиско, лейтенант, участник восстания 14 декабря.
2. П. П. Коновницын, граф, подпоручик, член Сев. Общества.
3. Н. Н. Оржицкий, отст. штабс-ротмистр.
4. Н. П. Кожевников, подпоручик, член Сев. О-ва.
5. М. И. Пущин, капитан.
6. Н. Р. Цебриков, поручик, участник восстания 14 декабря.

XII. Приговорены к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства:

1. А. Н. Муравьев, отст. полковник, член Союза Спасения и Союза Благоденствия.
2. О. В. Горский, статский советник.

XIII. Приговорены к отдаче в солдаты без лишения дворянства:

1. П. А. Бестужев, мичман, участник восстания 14 декабря.
2. А. В. Веденяпин, прапорщик, чл. О-ва Соед. Славян.
3. Ф. Г. Вишневский, лейтенант, участник восстания 14 декабря.
4. Е. С. Мусин-Пушкин, лейтенант, участник восстания 14 декабря.
5. Н. П. Акулов, лейтенант, участник восстания 14 декабря.
6. А. А. Фок, подпоручик.
7. М. Д. Лаппа, подпоручик.

Примечание. Приговоры указаны в окончательной редакции. Впоследствии осужденным в каторжную работу сроки были несколько сокращены. Некоторым декабристам каторжная работа фактически была заменена заключением в крепости.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель включены основные пособия по истории декабрьского движения. В первую очередь следует ознакомиться с книжками Н. М. Дружинина и М. Н. Покровского («Очерки»). Затем, необходимо внимательно изучить работы В. И. Семевского, Н. Рожкова и М. Н. Покровского (все остальные) и Материалы Центрархива. После этого уже можно приступить к систематическому изучению других пособий. Для дальнейших справок см.: М. В. Нечкина и Е. В. Сказин. Семинарий по декабризму. М. 1925.

I. Официальные сообщения, следственные материалы, документы и пр.

Официальное сообщение о восстании 14 декабря. Сборник «Государственные преступления в России в XIX веке». Под редакцией Б. Базилевского (В. Богучарского). Том I. Спб. 1906, стр. 1—2.

«Подробное описание происшествия, случившегося в С.-Петербурге 14 декабря 1825 г.». Правительственное сообщение. Там же, стр. 4—6.

Донесение следственной комиссии. Там же, стр. 14—47. Есть ряд других изданий.

Материалы по истории восстания декабристов. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Центрархив. Том I. ГИЗ. М.—Лнгр. 1925. В первом томе помещены показания кн. Трубецкого, Рылеева, кн. Оболенского, Никиты Муравьева, Каховского, кн. Щепина-Ростовского, А. и М. Бестужевых.

В. Е. Якушкин. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. Спб. 1906. Конституция Никиты Муравьева.

П. И. Пестель. Русская правда. Спб. 1906. Готовится к печати новое, проверенное издание.

Из писем и показаний декабристов. Под редакцией А. К. Бороздина. Спб. 1906. Показания и письма из крепости Батенькова, Штейнгеля, Пестеля, Якубовича и др.

М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906. Отрывки из показаний различных декабристов.

Н. П. Павлов-Сильванский. Пестель перед Верховным Уголовным судом. Ростов-на-Дону, 1907.

II. Воспоминания декабристов.

Воспоминания братьев Бестужевых. Редакция П. Е. Щеголева. Пгр., 1917. Здесь воспроизведены записки Н. А., М. А. и А. А. Бестужевых.

Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Спб. 1906. Ценные фактические данные. Записки требуют особенно критического отношения. Автор записок страдал болезненной склонностью преувеличивать свою роль во всех событиях.

Барон А. Е. Розен. Записки декабриста. Спб. 1907. Особенно важно для истории выступление Финляндского полка. В приложениях напечатано «дело» Розена.

Записки Н. В. Басаргина. Редакция и вступительная статья П. Е. Щеголева. Пгр. 1917. Южное Общество.

Записки С. Г. Волконского. Изд. 2-е. Спб. 1902. Союз Благоденствия. Южное Общество.

Записки кн. С. П. Трубецкого. Издание его дочерей. Спб. 1906. Северное Общество, междуцарствие, подготовка восстания.

Записки бар. В. И. Штейнгеля, кн. Е. П. Оболенского и М. А. Фон-Визина. «Общественное движение в России в первую половину XIX века». Спб. 1905. Северное Общество и восстание 14 декабря.

Воспоминания А. П. Беляева. Спб. 1882. Выступление Гвардейского Экипажа.

Записки А. М. Муравьева. Перевод, предисловие и примечание С. Я. Штрайха. Пгр. 1922. Краткий очерк декабрьского движения.

Записки И. Д. Якушкина. Спб. 1905. Союз Спасения, Союз Благоденствия.

Записки декабриста И. И. Горбачевского (под ред. Б. Е. Сыроечковского), М. 1916. Общество Соединенных Славян, восстание Черниговского полка.

III. Общие труды.

В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, Спб. 1909. Капитальный труд. Книга несколько устарела, но до сего времени не потеряла значения, как сводка тщательно подобранных и умело разработанных материалов.

М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. М. 1906. Единственный очерк истории революционных организаций декабристов. Книжкой следует пользоваться с большой осторожностью, так как автором допущено много фактических ошибок и неточностей.

М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП (б), 1923—1924. Лекции первая и вторая.

Его же. Декабристы. Молодая Гвардия. 1923, кн. 4—5.

Его же. Декабристы. Записки Коммунистич. Университета им. Свердлова. 1923, т. I. Революционная тактика декабристов.

Его же. Русская история с древнейших времен. Том III. ГИЗ. Лнгр. 1924.

Н. Рожков. Русская история в сравнительно историческом освещении. Том X. 1924.

М. Балабанов. История революционного движения в России. ГИЗ. Киев. 1925.

Н. Дружинин. Кто были декабристы и за что они боролись? М. 1925. Лучший популярный очерк декабрьского движения.

IV. Восстание 14 декабря 1825 года.

М. В. Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 г. «Голос минувшего», 1917, кн. 7—8. Сводка материалов. Освещение событий неверное.

Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. Спб. 1903. Особенно важен очерк междуцарствия. Для правильного

понимания изложения событий см.: Е. В. Сказин. Заметки Н. К. Шильдера о восстании 14 декабря и имп. Николае I. Каторга и Ссылка, 1925, кн. 2.

Из записок имп. Николая I. П. Е. Щеголев. Николай I и декабристы. Пгр. 1920 (приложения).

Подробные указания литературы о ходе восстания 14 декабря см. в статье Е. В. Сказина «К библиографии восстания 14 декабря 1825 года». Вестник Коммунистической Академии, 1925, кн. X.

Цена 50 коп.

